

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Том XI

Экспресс-выпуск • Express-issue

2002 № 186

СОДЕРЖАНИЕ

- 471-484** Особенности распространения некоторых видов птиц в Северной, Центральной и Восточной Азии в четвертичном периоде. А.В.ПАНТЕЛЕЕВ
- 484-493** Нетипичное устройство гнёзд и необычное поведение некоторых птиц в гнездовой период. И.В.ПРОКОФЬЕВА
- 493-500** О возможностях изменения некоторых форм поведения птиц. Ю.А.ИСАКОВ
- 500-506** Зимнее население птиц Уссурийского заповедника и сопредельных территорий. В.А.ХАРЧЕНКО
- 506-507** *Miliaria calandra*, *Saxicola torquata* и *Melanocorypha leucomystax* в саратовском Заволжье. М.Л.ОПАРИН, О.С.ОПАРИНА, Х.ВАЦКЕ
-
-

Редактор и издатель А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Биологического факультета

Санкт-Петербургский университет

Санкт-Петербург 199034 Россия

The Russian Journal of Ornithology

Published from 1992

Volume XI
Express-issue

2002 № 186

CONTENTS

- 471-484** On distribution of some bird species in Northern,
Central and Eastern Asia in Quarternary.
A.V.PANTELEEV

- 484-493** Unusual nest construction and unfamiliar behaviour
of some birds during breeding season.
I.V.PROKOFJEVA

- 493-500** About potentials for behaviour modifications in birds.
Yu.A.ISAKOV

- 500-506** Winter avifauna of the Ussuri Nature Reserve.
V.A.KHARCHENKO

- 506-507** *Miliaria calandra*, *Saxicola torquata*
and *Melanocorypha leucoptera* in Saratov Zavolzhie.
M.L.OPARIN, O.C.OPARINA, H.VAZKE
-
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

Особенности распространения некоторых видов птиц в Северной, Центральной и Восточной Азии в четвертичном периоде

А.В.Пантелеев

Зоологический институт Российской Академии наук,
Университетская набережная, д. 1, Санкт-Петербург, 199034, Россия.
E-mail: pav001@hotbox.ru

Поступила в редакцию 2 апреля 2002

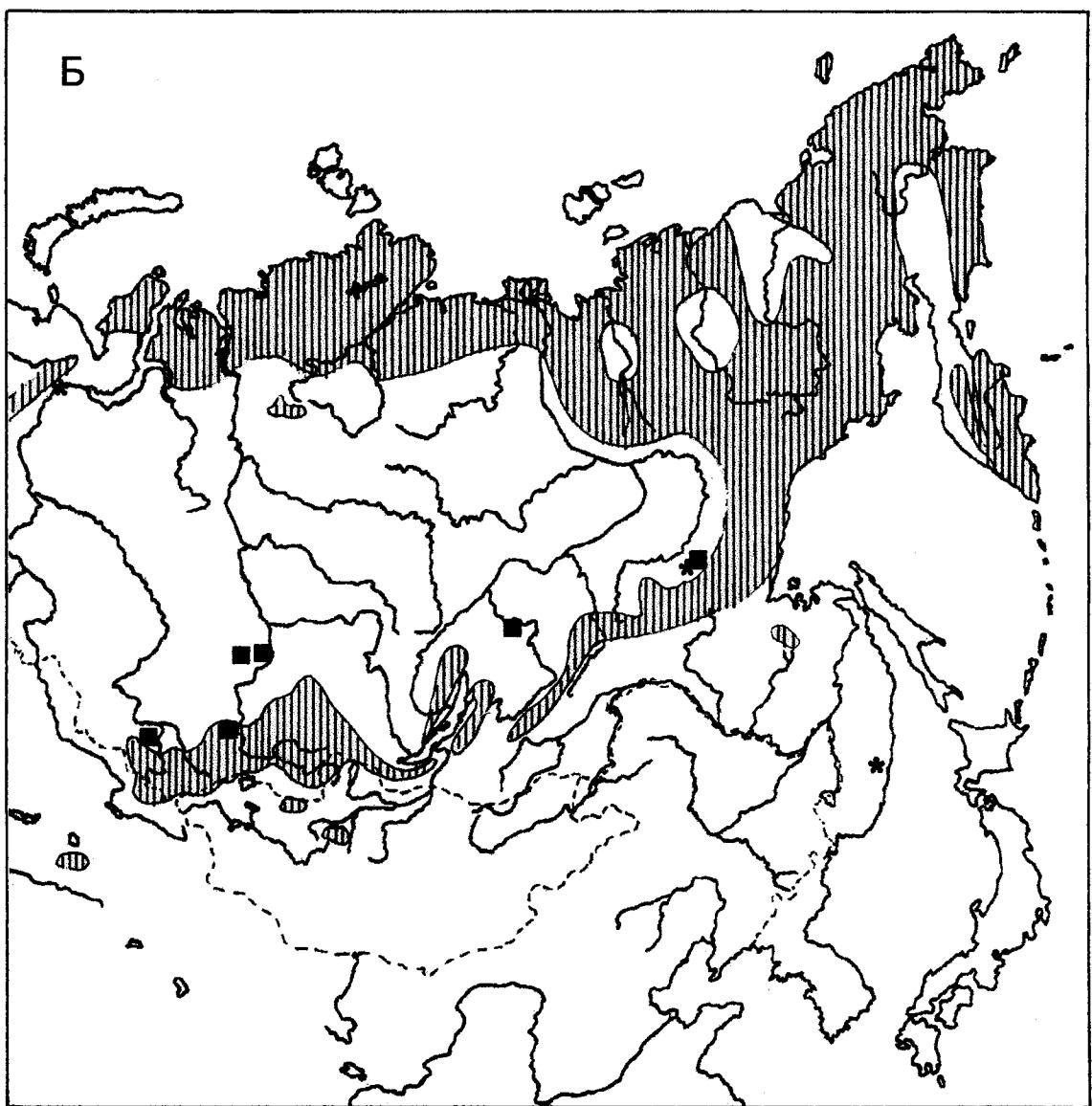
Долгое время обширная территория Северной, Центральной и Восточной Азии оставалась почти неизученной в отношении четвертичной орнитофауны. Немногочисленные разрозненные данные не могли дать какого-либо представления о распространении птиц в прошлом. Поэтому попытки воссоздать динамику орнитофауны при глобальных климатических изменениях (Назаренко 1982, 1990б) опирались не на палеорнитологические материалы. Но в последние 20 лет такие данные стали интенсивно накапливаться. К настоящему времени на территории азиатской части России известно 120 местонахождений с костными остатками четвертичных птиц (см.: Пантелеев 1999), в Монголии — 5, в Китае — 14, в Корее — 2, в Японии — 18 местонахождений. Это позволило выявить некоторые особенности в распространении ряда видов птиц, преимущественно в позднем плейстоцене и голоцене.

Полярная гагара *Gavia immer*. Ареал охватывает северную часть Северной Америки, Гренландию и Исландию. В пределах Азии единственный достоверный залёт зарегистрирован на о. Беринга (Флинт 1982).

Ископаемая кость этого вида найдена за пределами современного распространения, в нижнеплейстоценовых отложениях реки Большая Чукочья (Шер 1971).

Белоспинный альбатрос *Diomedea albatrus*. Ещё в прошлом веке встречи с белоспинным альбатросом на побережье Сахалина были обычным явлением. П.И.Супруненко (1890) сообщал, что этот вид появляется у берегов Сахалина в середине апреля в большом количестве и держится там всё лето, из чего сделал ошибочный вывод о гнездовании альбатросов у южной части острова (см. также: Бианки 1913).

Но когда П.И.Супруненко писал свои заметки, на местах гнездования белоспинного альбатроса уже началось массовое уничтожение этих птиц японскими охотниками за перьями: с 1887 по 1903 годы было убито 5 млн. особей (Шунтов 1982). А извержение вулкана на острове Торисима (основном месте гнездования этого вида) в 1902 и 1939 годах (Гладков, Курочкин 1986) ещё больше усугубило положение — вид стал настолько редок, что начали публиковать данные о встречах каждой отдельной особи. Так, за де-

вять лет плаваний в Тихом океане (с 1959 по 1967) В.П.Шунтов (1968) отметил белоспинного альбатроса лишь 3 раза.

Ископаемые остатки белоспинного альбатроса встречены на многих прибрежных голоценовых поселениях Сахалина, а также на острове Монерон, юге Приморского края (Номура и др. 2000; Пантелеев 1993, 1995, 1997а,б), на восточном побережье Камчатки и на Чукотском полуострове. Причём, в некоторых пунктах кости этого вида найдены в значительном количестве. Интересна находка альбатроса на раннесредневековом поселении Круглая Долина, на значительном удалении от морского побережья. По-видимому, птица туда была завезена человеком как объект торговли.

Пеликаны *Pelecanus* spp. Два фрагмента крупных плечевых костей из отложений эпохи бронзы местонахождения Синий Гай Н.И.Бурчак-Абрамович определил как относящиеся к розовому и кудрявому пеликанам (Алексеева и др. 1984; Алексеева, Бурчак-Абрамович 1986). Обращалось внимание, что кости имели различия в размерах и морфологии, наиболее отчётливо заметные у fossa m. brachialis (= impressio m. brachialis inferioris).

Изучение современных плечевых костей розового и кудрявого пеликанов, проведённое нами, не выявило таких резких различий в их строении. А при сравнении изображённых ископаемых костей (Алексеева, Бурчак-Абрамович 1986, с. 146) с костями различных групп современных птиц удалось установить, что одна из костей (меньшая, приписывавшаяся розовому пеликану) в действительности принадлежит дрофе *Otis tarda*. Отличия особенно ярко проявляются в характере расположения fossa m. brachialis. У дрофы эта выемка расположена близко к condylus dorsalis и lig. collaterale ventrale, а между выемкой и дорсальным краем кости имеется хорошо заметная перемычка. У пеликанов fossa m. brachialis существенно смешена и находится проксимальнее и дорсальнее, подходя почти вплотную к дорсальному краю. Вторая кость, без сомнения, принадлежит пеликану.

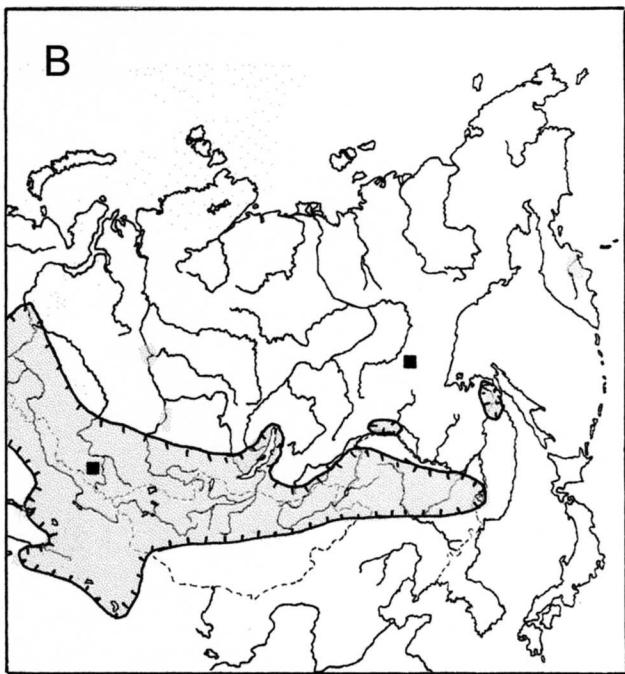
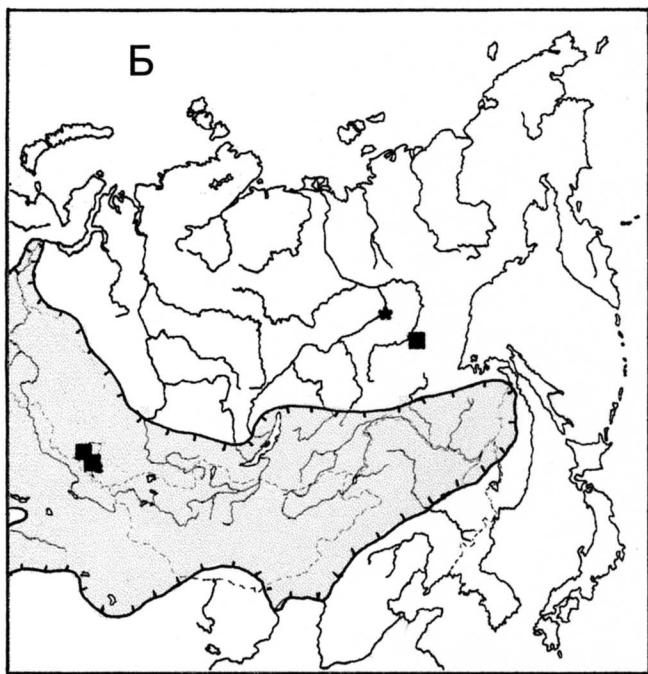
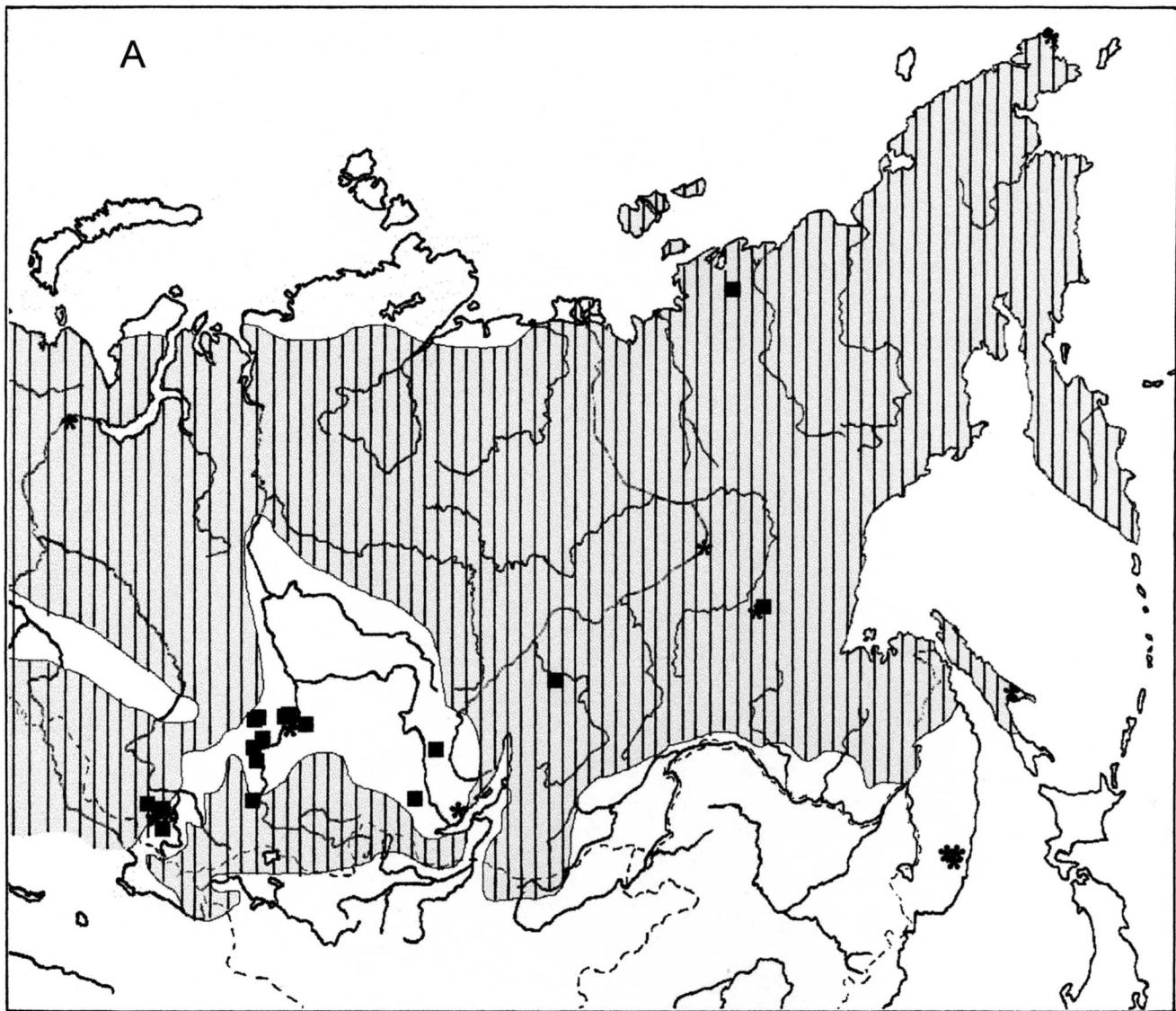
Кудрявый пеликан *Pelecanus crispus*. Местонахождение у оз. Ханка лежит далеко за пределами современного распространения вида (рис. 1А). Однако в прошлом ареал кудрявого пеликана был значительно шире. Об этом свидетельствуют как ископаемые кости, так и исчезнувшие в историческое время гнездовья на Байкале, Гусином озере (Гагина 1962), в Западной Сибири (Кириков 1959) и залёты в окрестности Красноярска, Енисейска, пос. Бор, в Туву, на Байкал (Рогачева 1988). В настоящее время ближайшие места гнездования кудрявого пеликана — озёра Хара-ус-нур, Харнур (?), Лобнор; он отмечен в Восточном Китае на кочёвках и зимовке (Фомин, Болд 1991; Cheng Tso-hsin 1987).

Палласов баклан *Phalacrocorax perspicillatus*. Вид описан П.С.Палласом в 1811 году по материалам Г.Стеллера, собранным в 1741. Отдельные кости

Рисунок 1.

А — Современный ареал, залёты и местонахождение ископаемых остатков (звёздочка) **кудрявого пеликана** *Pelecanus crispus*.

Б — Современный ареал и местонахождения плейстоценовых (квадрат) **и голоценовых** (звёздочка) **остатков тундряной куропатки** *Lagopus mutus*.

скелета были описаны Ф.А.Лукасом (Lucas 1889, 1895) по ископаемым материалам из сборов Л.Стейнегера на Песчаном мысу острова Беринга и Ф.Д.Плеске (1896) по сборам Н.А.Гребницкого на этом же мысу. Этот нелетающий баклан имел очень узкий ареал — остров Беринга и, по всей видимости, некоторые близлежащие мелкие острова. Годом вымирания вида условно считается 1852 (Нейфельдт 1978).

Баклан Кениона *Phalacrocorax kenyoni*. Баклан Кениона описан Дугласом Сигел-Кози в 1991 году по скелету взрослой самки, пойманной на острове Амчитка (Алеутские острова). С этого же острова были известны ещё два других скелета и позднеголоценовые ископаемые кости (Siegel-Causey 1991; Siegel-Causey *et al.* 1991). Позднее в коллекции ЗИН РАН были обнаружены несколько шкурок этого вида, ранее определённые как беринговы и краснолицые бакланы, а также скелет без черепа (Пантелеев 1997а) и ещё один неполный скелет.

Кости баклана Кениона отличаются от костей других видов бакланов северной части Тихого океана рядом морфологических признаков и более мелкими размерами. Так, средняя длина (мм) локтевой кости краснолицего баклана 143.3, берингова 133.1, Кениона 118.9 (Siegel-Causey 1991), Кениона из коллекции ЗИН РАН 124.5 (расстояние от дистального конца до proc. cotylaris dorsalis — 122.1). У локтевой кости из Кузнецово I olecranon обломан, расстояние от дистального конца до proc. cotylaris dorsalis — 124.5 (Пантелеев 1997а).

Большинство находок этого баклана происходит с Алеутских островов, несколько шкурок имеется с Командорских и одна — с Курильских (Уруп). Вид явно тяготеет к внешним островам северо-западной части Тихого океана. В этом отношении баклан Кениона сходен в распространении с краснолицым бакланом. Поэтому, несмотря на находки костей в местонахождениях Кузнецово I и Ясноморск III, кажется маловероятным, чтобы баклан Кениона гнездился на острове Сахалин. По-видимому, он проникал в Японское море во время кочёвок или зимовки.

Серый гусь *Anser anser* (рис. 2Б). Остатки серого гуся известны из четырёх местонахождений: два из них находятся на Алтае (пещеры Окладникова и Усть-Канская) и два — в Якутии (Куллаты и Дюктайская пещера) (Деревянко и др. 1998; Мартынович 1990; Мочанов 1970).

На Алтае этот вид обычен на гнездовые по западной окраине; широко распространен “в странах, окружающих Алтай, почти не заходит в пределы последнего” (Сушкин 1938, с. 138). Восточнее Байкала граница ареала проходит в области 51-й параллели (Степанян 1990).

Таким образом, в конце позднего плейстоцена и неолите серый гусь в бассейне Лены был распространен значительно севернее.

Рисунок 2.

А — Современный ареал и местонахождения плейстоценовых (квадрат) и голоценовых (звёздочка) остатков белой куропатки *Lagopus lagopus*.

Б — Современный ареал, залёты и местонахождения ископаемых остатков серого гуся *Anser anser*. В — Современный ареал, залёты и местонахождения ископаемых остатков серой утки *Anas strepera*.

Серая утка *Anas strepera* (рис. 2В). Известны две верхнеплейстоценовые находки: из Усть-Канской (Алтай) и Дюктайской (Якутия) пещер (Деревянко и др. 1998; Мочанов 1970). Северная граница современного ареала в Восточной Сибири проходит в области северного Байкала, низовьев Аргуни и оз. Ханка (Степанян 1990). Таким образом, в Якутии остатки серой утки найдены значительно севернее её нынешнего распространения.

Мохноногий курганник *Buteo hemilasius*. Ископаемые остатки найдены в голоценовых слоях Денисовой пещеры (Мартынович 1998) и Дзотола. В настоящее время на Северо-Западном Алтае мохноногий курганник не встречается; гнездится на Юго-Восточном Алтае, несколько заходя в пограничную часть Центрального Алтая. Принадлежит к характерным птицам группы видов, которая связывает Юго-Восточный Алтай с Северо-Западной Монгoliей (Сушкин 1938). В Монголии — гнездящийся, пролётный и зимующий вид (Фомин, Болд 1991).

Позднеплейстоценовые кости мохноногого курганника известны из двух местонахождений Китая: Zhoukoudian и Wan Xian-Sichuan (Wetmore 1934; Rich *et al.*, 1986; Hou 1993). Оба местонахождения находятся вне современной гнездовой части ареала, но в район пещеры Zhoukoudian мохноногий курганник может залетать в зимний период.

Чёрный гриф *Aegypius monachus*. Остатки чёрного грифа найдены в позднеплейстоценовых отложениях Денисовой пещеры (Деревянко и др. 1998). Сейчас ближайшие места гнездования — Юго-Восточный Алтай и Северо-Западная Монголия (Сушкин 1938), но известны многочисленные залёты в различные районы Алтайского края как отдельных птиц, так и групп до 6 особей (Велижанин 1928). Чёрный гриф также известен из позднеплейстоценовых местонахождений Китая: Zhoukoudian и Sjara Osso Gol (Rich *et al.* 1986; Hou 1993).

Белая и тундряная куропатки *Lagopus lagopus* и *L. mutus*. Эти виды имеют обширный ареал в северной части Евразии. Их остатки часто встречаются на четвертичных местонахождениях (рис. 1Б, 2А). Наиболее древние кости происходят из среднеплейстоценовых отложений Денисовой пещеры. На Енисее, Ангаре и Сихотэ-Алине позднеплейстоценовые и голоценовые белые и тундряные куропатки найдены за пределами современного распространения. В позднем плейстоцене их ареалы в бассейне Енисея были сплошными. И даже в голоцене, в первые века нашей эры, белая куропатка обитала в окрестностях Красноярска. Но особенно интересны находки этих видов в Приморском крае.

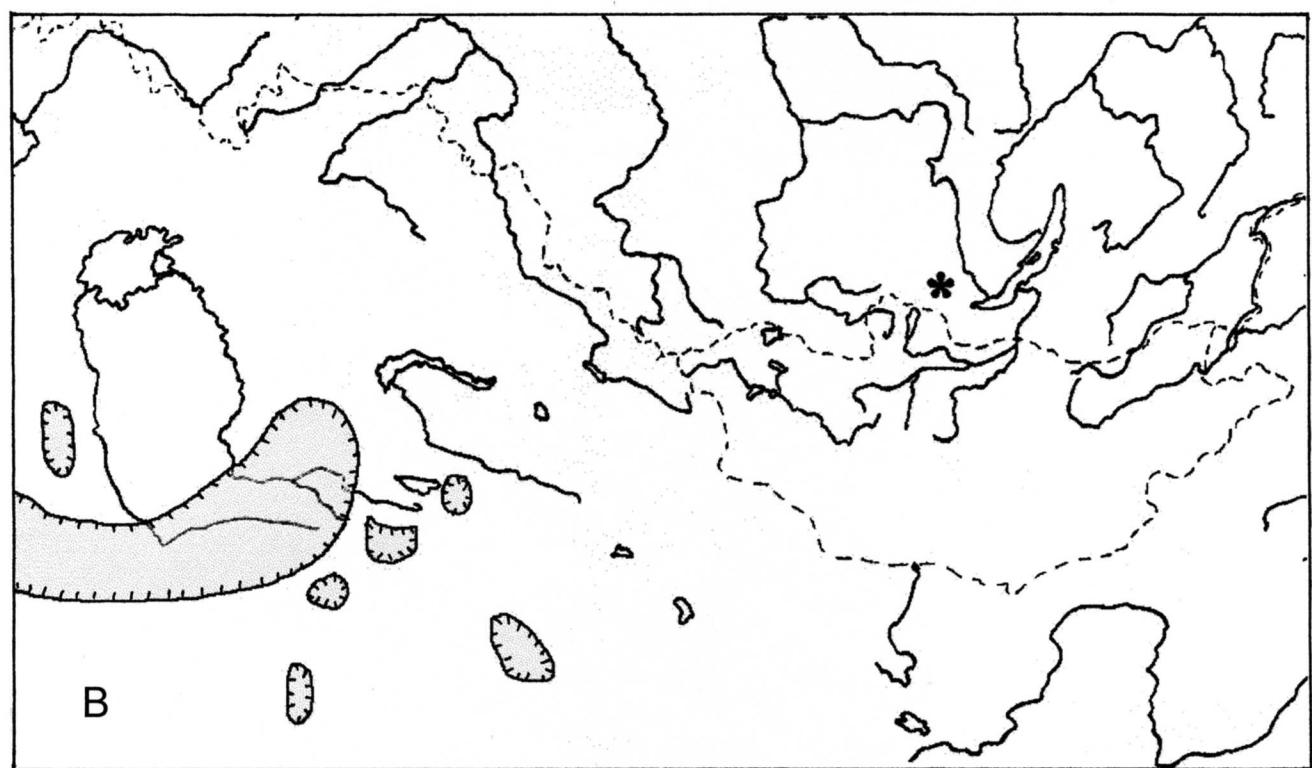
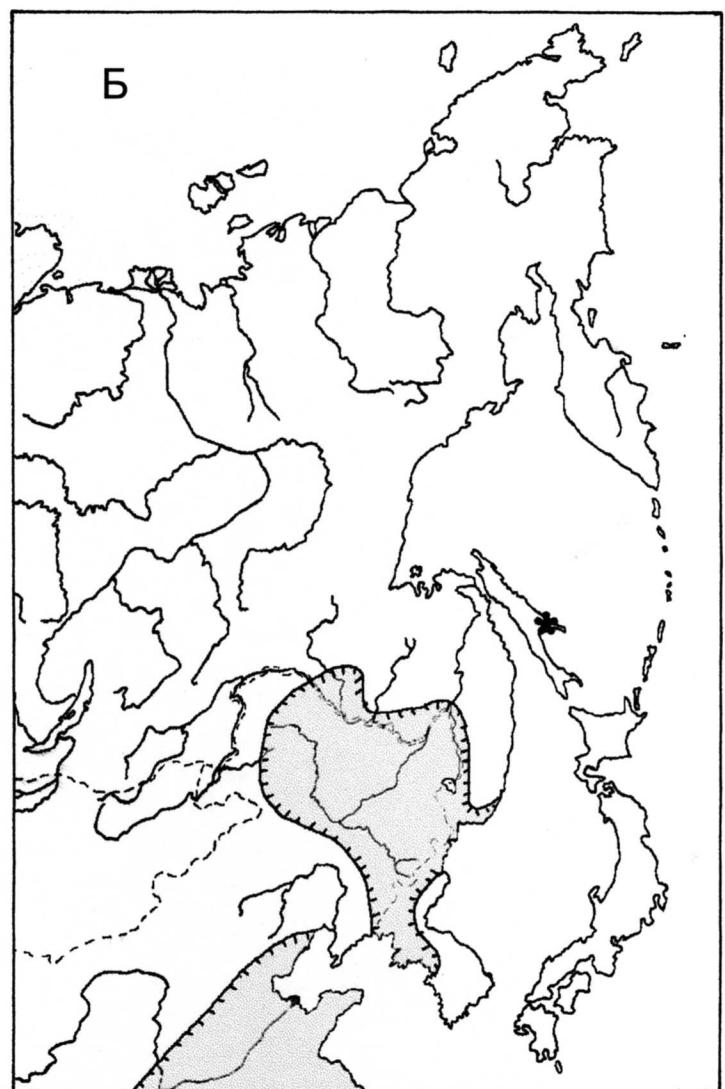
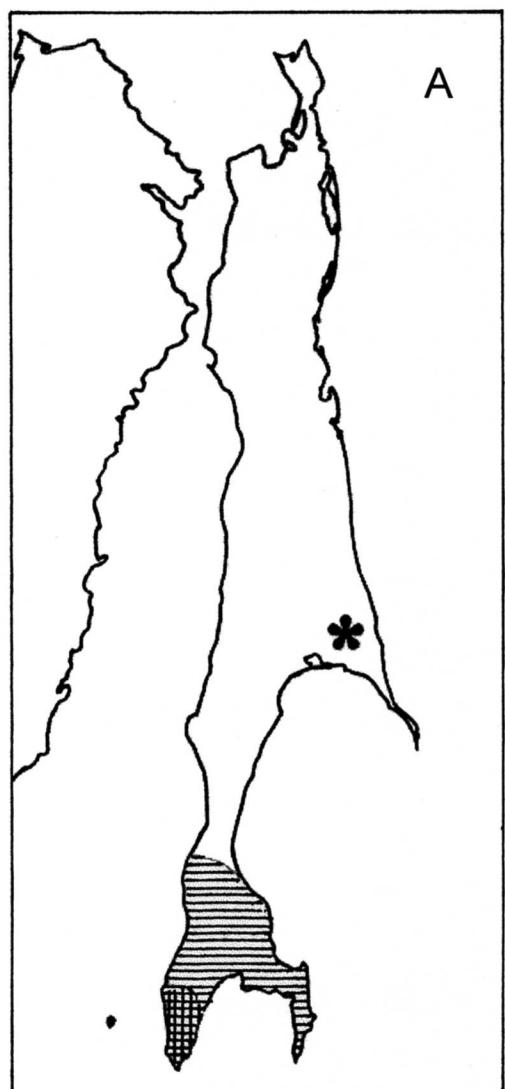
По сведениям, собранным Воробьёвым (1954), какая-то куропатка рода *Lagopus* населяет высокогорную область Сихотэ-Алиня. Но специальные поиски в высокогорье Северного Сихотэ-Алиня не дали положительного результата (Назаренко 1979). Поэтому сообщение о находке белой, тундряной и бородатой куропаток в неолитических слоях пещеры Чёртовы Ворота (Алексеева и др. 1984) было воспринято скептически (там же, подстрочное примеч. отв. ред.; Назаренко 1990а). Однако проверка небольшой части этой коллекции и определение ещё неизученных костей из тех же сборов подтвердили факт присутствия белой и тундряной куропаток (правда, тун-

дряных куропаток оказалось значительно меньше). Более того, голоценовые остатки белой куропатки были найдены в пещере Тетюхе (вместе с дикушей) и гроте Безымянном.

По этому поводу можно высказать следующую гипотезу. В конце позднего плейстоцена, в связи с похолоданием климата, белая и тундряная куропатки проникли по Сихотэ-Алину далеко на юг, по крайней мере, до Среднего Приморья. В голоцене зона горных тундр сильно сократилась, но локальные популяции куропаток всё же выжили. В неолите ещё встречаются оба вида. И отсутствует дикаша *Falcipennis falcipennis*. Позднее тундряная куропатка из палеонтологической летописи Приморья исчезает. В Безымянном гроте найдена только белая куропатка, дикаша отсутствует. В пещере Тетюхе вместе с белой куропаткой уже присутствует и дикаша. Учитывая то, что район Тетюхе находится близ южной границы современного распространения дикиши, представляется, что она появилась на Среднем Сихотэ-Алине совсем недавно. С другой стороны, остатки белой куропатки свидетельствуют, что она ещё обитала в этом районе тоже недавно, и сообщения о встречах с "куропаткой" в недалеком прошлом могут иметь под собой реальную почву.

Алтайский улар *Tetraogallus altaicus*. Существуют различные взгляды на время и место возникновения рода *Tetraogallus* и его современных видов. Так, П.П.Сушкин (1938) считал, что алтайский улар сформировался в горах Северо-Западной Монголии, откуда расселился на Алтай в послеледниковое время. Е.В.Козлова (1952) полагала, что разделение на тёмнобрююю и светлобрююю формы и начало расселения *T. tibetanus* с гор Западного Китая к северу, на хребты Монголии, где сформировался *T. altaicus*, произошло в конце неогена. По мнению Р.Л.Потапова (1991), род *Tetraogallus* возник на горных системах Тянь-Шаня, Памиро-Алая и Кунылуна 600-400 тыс. лет назад, формирование тёмнобрюхой и светлобрюхой форм началось 200 тыс. лет назад, а современные виды начали складываться 60 тыс. лет назад. Этот автор не исключал возможности расселения предковой формы белобрюхих уларов как из Гобийского Алтая в Тибет, так и в обратном направлении. Существует также мнение, что алтайский улар возник в голоцене (Сопин, Медведев 1983).

В связи с этим интересна находка кости алтайского улара в слое 22 внутренней камеры Денисовой пещеры. Судя по опубликованным данным (Деревянко и др. 1998), слой 22 в нижней части имеет возраст 282 ± 56 тыс. лет, в верхней — 224 ± 45 тыс. лет. Таким образом, *Tetraogallus altaicus* обитал на Алтае по крайней мере со среднего плейстоцена. В это время Тибетское нагорье было сравнительно низким: до конца плейстоцена в периоды похолоданий на нём отсутствовали ледниковые покровы. И только с позднего плейстоцена нагорье начало вздыматься более интенсивно (Власова 1976). Поэтому кажется наиболее вероятным первоначальное заселение предковой белобрюхой формой, близкой к алтайскому улару, более древних горных систем Алтая и Монгольского Алтая. А во время последнего похолодания птицы проникли в Тибет и в быстро изменившихся условиях (с эволюционной точки зрения, в связи с вздыметием) образовали новую, более

продвинутую форму *Tetraogallus tibetanus*. Что касается времени возникновения рода *Tetraogallus*, то его, по-видимому, следует связывать с первыми похолоданиями раннего плейстоцена.

Остатки улара найдены в средне- и позднеплейстоценовых отложениях Денисовой и Усть-Канской пещер, за пределами современного ареала, что свидетельствует о более широком распространении вида. Согласно Р.Л. Потапову (1991), северную границу распространения алтайского улара определяет высота снежного покрова.

Бородатая куропатка *Perdix dauricae*. Широко распространённый вид Центральной Азии, проникающий в Северную и Восточную Азию. Ископаемые остатки известны начиная с нижнего плейстоцена (пещера Zhoukoudian, Китай — Hou 1993). Большинство местонахождений лежит в пределах современного ареала, но известны находки и за его пределами (все голоценового возраста): пещеры Денисова, Трёх Филинят, Алтайская Малютка — на Алтае, Пещера № 3 — в Красноярске, пещеры Близнец и Чёртовы Ворота — в Приморье. Это может свидетельствовать о более широком ареале вида в недалёком прошлом. Плейстоценовые остатки *Perdix* из Денисовой пещеры представлены тремя костями плохой сохранности (слои 11, 19 и 21), по которым точно установить вид невозможно.

Зелёный голубь *Sphenurus sieboldii* (рис. ЗА). Распространён на Японских островах, Тайване, п-ове Индокитай. Известны залёты в Южное Приморье, на острова Монерон, Сахалин, Кунашир (Нечаев 1969; Степанян 1990). На Сахалине встречается на п-ове Крильон, где, вероятно, гнездятся отдельные пары (Нечаев 1991). Ископаемые остатки зелёного голубя найдены во всех слоях Ласточкиной пещеры на Сахалине (Пантелеев 2001). Это местонахождение находится значительно севернее современного ареала, что свидетельствует о более широком распространении вида 1500-2500 лет назад.

Домовый сыч *Athene noctua*. В ископаемом состоянии домовый сыч известен из голоцена пещер Ирбиса и Ниша Филина, позднего плейстоцена Денисовой пещеры (Деревянко и др. 1998) и Цаган-Агуй (Panтелейев 1998), а также из среднего плейстоцена пещеры Zhoukoudian (Китай — Hou 1993). Из этих местонахождений лишь Денисова пещера находится вне современного ареала вида. Ближайшие от Денисовой пещеры места встреч этого сыча известны южнее и юго-восточнее — у западного берега оз. Зайсан (Гаврин и др. 1962) и на Юго-Восточном Алтае (Лоскот 1986; Нейфельдт 1986; Степанян 1990).

Рисунок 3.

А — Современные ареалы и местонахождение ископаемых остатков зелёного голубя *Sphenurus sieboldii* и японской зарянки *Erithacus akahigae*.

Б — Современный ареал и местонахождение ископаемых остатков малого черноголового дубоноса *Eophona migratoria*.

В — Современный ареал и местонахождение ископаемых остатков (звездочка) белобрюхого стрижа *Apus melba*.

Белобрюхий стриж *Apus melba* (рис. 3В). Кости этого стрижа найдены в голоценовых отложениях пещеры Брекчиевая (Иркутская область) (Mlikovsky 1997). Ближайшие же места обитания вида находятся значительно западнее — на Центральном Тянь-Шане, восточнее оз. Иссык-Куль (Степанян 1990). Таким образом, в недалёком прошлом произошло значительное сокращение ареала белобрюхого стрижа.

Рыжепоясничная ласточка *Cecropis daurica*. Ископаемые остатки известны из голоцена Посьетской пещеры, позднего плейстоцена Денисовой пещеры (Деревянко и др. 1998; Пантелеев, в печати) и среднего и позднего плейстоцена пещеры Zhoukoudian (Китай) (Hou 1993). Денисова пещера расположена севернее современной границы распространения вида, что свидетельствует о сокращении ареала.

Сибирский конёк *Anthus gustavi*. Населяет кустарниковую тундру, лесотундру и северотаёжные осоковые болота от низовий Печоры до Чукотского полуострова, Корякского нагорья и Камчатки. Изолированные поселения имеются в Среднем Приамурье, Северо-Восточном Китае и на озере Ханка (Иванов, Штегман 1978; Рогачёва 1988; Назаров 1989). Находки в средне- и верхнеплейстоценовых слоях Денисовой пещеры (Деревянко и др. 1998) и голоценовых слоях пещеры Близнец (Пантелеев, Алексеева 1993) лежат за пределами современного ареала. В плейстоцене на Алтае сибирский конёк мог быть на пролёте (хотя современные исследователи его ни разу не отмечали), или, что вероятнее, он там обитал.

Коньков, населяющих юг Дальнего Востока, выделяют в особый, хорошо обособленный подвид *A. g. menzbieri* Shulpin, 1928; а некоторые исследователи — даже в отдельный вид. В связи с этим можно предположить, что данная форма имеет длительную историю, и у неё был более обширный ареал. Однако ископаемая кость могла принадлежать и к номинативному подвиду: птицы этой формы отмечены в Приморье на пролёте (Воробьёв 1954; Панов 1973 и др.).

Японская зарянка *Erithacus akaigae* (рис. 3А). Распространена на островах Южных Курильских, Монерон, Сахалин, Японских (Степанян 1990). На Сахалине населяет южные районы острова, на север до окрестностей пос. Томари и бассейна р. Фирсовка (Нечаев 1991). Предполагается, что вид проник на остров совсем недавно, 50-60 лет назад (Там же).

Ископаемые остатки японской зарянки найдены в Ласточкиной пещере, в пятом (нижнем) слое, имеющем дату 2370 ± 60 лет назад (СОАН-3722). Сама пещера находится более чем в 200 км северо-восточнее северной границы современной гнездовой части ареала этой птицы. Таким образом, в прошлом вид имел более широкое распространение, по крайней мере в северном направлении.

Чёрный дрозд *Turdus cf. merula*. Присутствие остатков чёрного дрозда "*Turdus cf. merula*" установлено Н.В.Мартыновичем для самого верхнего слоя голоценовых отложений Денисовой пещеры. Причём, определение было основано главным образом на морфометрии (Мартынович 1998).

По свидетельству Н.Д.Оводова с соавторами (1998), проводивших орнитологические наблюдения в апреле-мае и октябре 1988 в окрестностях села

Тигерек, чёрный дрозд наблюдался в указанном пункте. До этого сообщения ближайшим к Алтаю местом обитания был Джунгарский Алатау (Степанян 1990), находящийся значительно юго-юго-западнее. Ранее на Алтае, несмотря на многочисленные исследования, чёрный дрозд не отмечался, и наблюдение Н.Д.Оводова с коллегами может свидетельствовать о случайному залёте или расширении ареала в самое последнее время. Однако ископаемые остатки являются более древними и, если они правильно определены, говорят о неоднократном проникновении чёрного дрозда на Алтай.

Малый черноголовый дубонос *Eophona migratoria* (рис. 3Б). Современная область гнездования малого черноголового дубоноса охватывает Южное Приморье, Среднее Приамурье, Манчжурию, Северную Корею, Юго-Восточный Китай. В качестве залётной птицы он неоднократно отмечался на юге Сахалина — на полуострове Крильон и в городе Корсакове (Нечаев 1991). Ископаемые остатки найдены в слоях 2, 3 и 5 Ласточкиной пещеры, что свидетельствует о более широком распространении этого дубоноса и возможном его гнездовании на Сахалине.

Снежный воробей *Montifringilla nivalis*. На Алтае населяет юго-восточную его часть — Саймогем, горы, окружающие Чуйскую степь (Степанян 1990). Ископаемые остатки найдены в среднем и верхнем плейстоцене Денисовой пещеры (северо-западнее современного ареала), а также в голоцене монгольских пещер Баянсайр и Ирбиса (в пределах современного ареала).

Сорока *Pica pica*. Широко распространенный голарктический вид, но отсутствующий на Сахалине. Известны лишь редкие залёты или преднамеренные завозы в южную и северо-западную части острова (Нечаев 1991). Тем не менее, в Ласточкиной пещере найдена одна кость, несомненно, принадлежащая сороке, что указывает на более широкое распространение вида на Сахалине. Исчезновение сороки из Сахалина удивительно, т.к. этой птице свойственна большая экологическая пластичность. Другие многочисленные находки лежат в пределах современной гнездовой части ареала.

Остатки сороки из Денисовой пещеры и Zhoukoudian известны из среднеплейстоценовых слоев (Деревянко и др. 1998; Hou 1993). В это время сорока уже была распространена и в Евразии, и в Северной Америке (Пантелеев, Бурчак-Абрамович 2000, табл. 5).

Клушица *Pyrrhocorax pyrrhocorax*. Имеет широкий дизъюнктивный ареал в горах Северо-Западной Африки и Евразии. Ископаемые остатки клушицы найдены к северу и югу от современного распространения — в местонахождениях среднего-верхнего плейстоцена и голоцена Алтая, Красноярского края, Монголии и Китая. Это свидетельствует о более широком в прошлом ареале вида.

Литература

- Алексеева Э.В., Бурчак-Абрамович Н.И. 1986. Розовый и кудрявый пеликаны на оз. Ханка // *Орнитология* 21: 145–146.
Алексеева Э.В., Бурчак-Абрамович Н.И., Нечаев В.А. 1984. К фауне неворобынных птиц голоцена юга Дальнего Востока // *Фаунистика и биология птиц юга Дальнего Востока*. Владивосток: 53–59.

- Бианки В.Л.** 1913. Colimbiformes и Procellariiformes // *Фауна России и сопредельных стран. Птицы. 1*. СПб: 1-979.
- Велижанин Г.А.** 1928. Добавления к орнитофауне Барнаульского округа // *Uragus* 1: 12-20.
- Воробьев К.А.** 1954. *Птицы Уссурийского края*. М.: 1-360.
- Гаврин В.Ф., Долгушин И.А., Корелов М.Н., Кузьмина М.А.** 1962. *Птицы Казахстана. Алма-Ата*, 2: 1-780.
- Гагина Т.Н.** 1962. Изменения орнитофауны Восточной Сибири за исторический период // *Материалы 3-й Всесоюз. орнитол. конф.* Львов, 1: 86-88.
- Гладков Н.А., Курочкин Е.Н.** 1986. Отряд Буревестникообразные, или Трубконосые (Procellariiformes, или Tubinares) // *Жизнь животных*. М., 6: 41-52.
- Деревянко А.П., Агаджанян А.К. и др.** 1998. *Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоценаГорного Алтая*. Новосибирск: 1-176.
- Иванов А.И., Штегман Б.К.** 1978. *Краткий определитель птиц СССР*. Л.: 1-560.
- Козлова Е.В.** 1952. Ави фауна Тибетского нагорья, ее родственные связи и история // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 9, 4: 964-1028.
- Лоскот В.М.** 1986. Материалы по птицам окрестностей Ташанты (Юго-Восточный Алтай) // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 150: 44-73.
- Мартынович Н.В.** 1990. Птицы позднего плейстоцена из пещеры Им. Окладникова как объект для палеоландшафтных реконструкций // *Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануя*. Новосибирск: 66-81.
- Мартынович Н.В.** 1998. Голоценовые птицы Денисовой пещеры // *Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы международного симпозиума*. Новосибирск, 1: 231-241.
- Мочанов Ю.А.** 1970. Дюктайская пещера – новый палеолитический памятник северо-восточной Азии (Результаты работ 1967 г.) // *По следам древних культур Якутии (Труды Приленской археологической экспедиции)*. Якутск: 40-64.
- Назаренко А.А.** 1979. *Орнитофауна высокогорий юга Дальнего Востока. Её состав и происхождение*. Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. Владивосток: 1-25.
- Назаренко А.А.** 1982. О фаунистических циклах (вымирание – расселение – вымирание...) на примере дендрофильной орнитофауны Восточной Палеарктики // *Журн. общ. биол.* 43, 6: 823-835.
- Назаренко А.А.** 1990а. Об ископаемых остатках куропаток родов *Lagopus* и *Perdix* из пещеры Чертова Ворота, Южное Приморье (в связи с публикациями Э.В.Алексеевой с соавторами, 1984, 1990) // *Экология и распространение птиц юга Дальнего Востока*. Владивосток: 123-126.
- Назаренко А.А.** 1990б. Орнитофаунистический обмен между Южной и Северной Азией на восточной периферии континента: последний ледниково-межледниковый цикл // *Журн. общ. биол.* 51, 1: 89-106.
- Назаров Ю.Н.** 1989. Сибирский конёк // *Редкие позвоночные животные советского Дальнего Востока и их охрана*. Л.: 153-154.
- Нейфельдт И.А.** 1978. Вымершие птицы в коллекции Зоологического института Академии наук СССР // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 76: 101-110.
- Нейфельдт И.А.** 1986. Из результатов орнитологической экспедиции на Юго-Восточный Алтай // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 150: 7-43.
- Нечаев В.А.** 1969. *Птицы Южных Курильских островов*. Л.: 1-246.
- Нечаев В.А.** 1991. *Птицы острова Сахалин*. Владивосток: 1-748.
- Номура Т., Кикuchi Т., Прокофьев М.М., Горбунов С.В., Назаркин М.В., Пантелеев А.В.** 2000. *Материалы по археологии и археозоологии острова Монерон*. Южно-Сахалинск: 1-68.
- Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Надаховский А.** 1998. "Филиновые ниши" на Северо-Западном Алтае как тафономический и палеоэкологический индикаторы // *Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы международного симпозиума*. Новосибирск, 1: 249-255.
- Панов Е.Н.** 1973. *Птицы Южного Приморья*. Новосибирск: 1-376.

- Пантелейев А.В.** 1993. Позднеголоценовые остатки птиц с острова Монерон (Японское море) // *Рус. орнитол. журн.* **2**, 2: 258-259.
- Пантелейев А.В.** 1995. Новые материалы по голоценовым птицам южного Приморья // *Рус. орнитол. журн.* **4**, 3/4: 148-149.
- Пантелейев А.В.** 1997а. Кости птиц из поселений древнего человека на острове Сахалин // *Вестн. Сахалин. музея* **4**: 281-285.
- Пантелейев А.В.** 1997б. Остатки птиц из археологического памятника Ивановка (Сахалин) // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* **9**: 8-10.
- Пантелейев А.В.** 1999. История изучения четвертичных птиц азиатской части России и Монголии // *Рус. орнитол. журнал. Экспресс-вып.* **72**: 3-17.
- Пантелейев А.В.** 2001. Изучение четвертичной орнитофауны острова Сахалин // *Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии*. Казань: 486.
- Пантелейев А.В., Алексеева Э.В.** 1993. Ископаемые птицы из пещеры Близнец (Южный Сихотэ-Алинь) и ландшафтно-климатические условия их обитания в голоцене // *Рус. орнитол. журн.* **2**, 2: 133-148.
- Пантелейев А.В., Бурчак-Абрамович Н.И.** 2000. Воробынные птицы из бинагадинских плейстоценовых асфальтов. II. Мелкие врановые // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* **115**: 3-17.
- Плеске Ф.Д.** 1896. Кости *Phalacrocorax perspicillatus* // *Ежегодник Зоол. музея Имп. Акад. наук* **1**. 1-2: X.
- Потапов Р.Л.** 1991. Основные этапы эволюции уларов и история становления видовых ареалов рода *Tetraogallus* Gray // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **239**: 121-140.
- Рогачева Э.В.** 1988. *Птицы Средней Сибири. Распространение, численность, зоogeография*. М.: 1-309.
- Сопин Л.В., Медведев Д.Г.** 1983. О морфологии и эволюции уларов // *Птицы Сибири: Тез. докл. к 2-й Сибирской орнитол. конф.* Горно-Алтайск: 157-158.
- Степанян Л.С.** 1990. Конспект орнитологической фауны СССР. М.: 1-727.
- Супруненко П.И.** 1890. Естественно-исторический отдел // *Каталог междунар. тюремной выставки. Отд. Россия. Остров Сахалин*. СПб: 24-62.
- Сушкин П.П.** 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей северо-западной Монголии*. М.; Л., 1: 1-317.
- Флинт В.Е.** 1982. Отряд Гагарообразные // *Птицы СССР. История изучения. Гагары, поганки, трубконосые*. М.: 244-288.
- Фомин В.Е., Болд А.** 1991. *Каталог птиц Монгольской Народной Республики*. М.: 1-126.
- Шер А.В.** 1971. *Млекопитающие и стратиграфия плейстоцена крайнего Северо-Востока СССР и Северной Америки*. М.: 1-312.
- Шунтов В.П.** 1968. Некоторые закономерности в распределении альбатросов (*Tubinares*, *Diomedeidae*) в северной части Тихого океана // *Зоол. журн.* **47**, 7: 1054-1064.
- Шунтов В.П.** 1982. Отряд Трубконосые // *Птицы СССР. История изучения. Гагары, поганки, трубконосые*. М.: 357-427.
- Cheng Tso-hsin.** 1987. *A synopsis of the avifauna of China*. Beijing: 1-1222.
- Hou L.** 1993. Avian fossils of Pleistocene from Zhoukoudian // *Mem. of Inst. of Vert. Palaeont. and Palaeoanth., Acad. Sinica* **19**, 2: 165-297.
- Lucas F.A.** 1889. Description of some bones of Pallas's Cormorant (*Phalacrocorax perspicillatus*) // *L. Stejneger, F.A. Lucas. Contributions to the natural history of the Commander Islands. Proc. U.S. Nat. Mus.* **12**: 88-94.
- Lucas F.A.** 1895. Contributions to the natural history of the Commander Islands. XI. The cranium of Pallas's Cormorant // *Proc. U.S. Nat. Mus.* **18**: 717-719.
- Mlikovsky J., Chenzychenova F., Filippov A.** 1997. Quaternary birds of the Baikal region, East Siberia // *Acta Soc. Zool. Bohem.* **61**, 2: 151-156.
- Panteleyev A.V.** 1998. Late Pleistocene birds of Mongolia // N.J.Adams, R.H.Slotow (eds.). *Proc. 22 Int. Ornithol. Congr., Durban. Ostrich* **68**: 409.

- Rich P.V., Hou L.H., Ono K., Baird R.F. 1986. A review of the fossil birds of China, Japan and Southeast Asia // *Geobios* 19, 6: 755-772.
- Siegel-Causey D. 1991. Systematics and biogeography of North Pacific shags, with description of a new species // *Occasional papers of the Museum of Natural History. The University of Kansas* 140: 1-17.
- Siegel-Causey D., Lefevre C., Savinetskii A.B. 1991. Historical diversity of cormorants and shags from Amchitka Island, Alaska // *Condor* 93: 840-852.
- Wetmore A. 1934. Fossil birds from Mongolia and China // *Amer. Mus. Novit.* 711: 1-16.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2002, Экспресс-выпуск 186: 484-493

Нетипичное устройство гнёзд и необычное поведение некоторых птиц в гнездовой период

И.В.Прокофьева

Российский государственный педагогический университет,
Набережная реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия

Поступила в редакцию 23 мая 2002

Изучение изменчивости инстинкта гнездостроения и поведения птиц во время гнездования даёт интересный материал для выяснения степени экологической пластиности птиц, позволяющей им успешно размножаться в самых разнообразных условиях. В своё время этим вопросам особое внимание уделял А.С.Мальчевский (1959). Описание случаев необычного гнездования можно найти и в работах других исследователей, но об этом речь будет идти ниже. Нами тоже была опубликована работа аналогичного характера (Прокофьева 1975), в которой, однако, рассматривался лишь один тип отклонений от видового стереотипа гнездостроения, а именно необычное расположение гнёзд. Между тем с тех пор удалось получить ещё ряд интересных данных, и не только связанных с гнездостроением, но и с поведением птиц в период размножения. Эти данные были собраны в основном после 1975 года, но в отдельных случаях мы приводим и результаты наблюдений в более ранние годы. Работа проводилась в Лужском районе Ленинградской области, за небольшим исключением, в урочище Железо. Объекты наблюдений — различные воробьиные, кукушка *Cuculus canorus* и чёрный стриж *Apus apus*.

У большинства воробьиных, как правильно отметил А.С.Мальчевский, характер расположения гнёзд не бывает строго определённым. Однако очень сильные отклонения от обычных норм встречаются не так уж часто. Приведём два из таких примеров. Так, до сих пор было известно, что в Ленинградской обл. зяблики *Fringilla coelebs* гнездятся на деревьях, как правило, на высоте от 1 до 4 м, иногда до 17 м от земли, и очень редко совсем

низко — на высоте 30-40 см (Мальчевский, Пукинский 1983). Однако, как мы выяснили, эти птицы могут устраивать свои гнёзда и на земле. Одно такое гнездо было найдено 1 июня 1981 на земле в траве среди одиночных широколиственных деревьев в пойме реки Луги. Это было типичное для зяблика очень аккуратное гнездо, прекрасно замаскированное в густой траве. В нём было 5 яиц. На гнездо только чудом удалось не наступить, однако самка была страшно испугана и бросила кладку.

Другой неожиданной находкой было гнездо соловья *Luscinia luscinia*, обнаруженное в пойменном лиственном лесу 4 июля 1986, которое находилось на сухих ветках на высоте 35 см от земли. О хорошей маскировке здесь не могло быть и речи. Гнездо было брошено, т.к. в день обнаружения и в последующие несколько дней 4 яйца оставались холодными, а взрослые птицы не показывались. В то же время, по свидетельству вышеназванных исследователей, все без исключения гнёзда соловья, найденные ими в Ленинградской обл., располагались на земле.

Интересно, что поселяясь в биотопах, которые чем-то кажутся им привлекательными, птицы не всегда находят там условия, пригодные для устройства гнёзд обычным способом, и тогда они помещают последние в самых неожиданных местах. Это мы не раз наблюдали на участке леса, больше напоминавшем парк, чем лес, где на некотором расстоянии друг от друга произрастали широколиственные деревья, но кустарников было немного. Здесь из года в год охотно поселялись чечевицы *Carpodacus erythrinus*, но из-за недостатка кустов они гнездились на деревьях на необычной для них высоте. Если обычно высота гнездования этих птиц в Ленинградской обл. небольшая, чаще всего 0.5-1.0 м (Мальчевский 1959), то здесь нами было найдено 6 гнёзд, 3 из которых находились на высоте 2 м, а остальные ещё выше — в 2.2, 2.5 и 5.5 м от земли (июнь 1982, 1985, 1988 и 1989). Все они были хорошо замаскированы, и во всех были яйца. Правда, два гнезда спустя несколько дней после обнаружения были разорены, а два брошены.

Садовые *Sylvia borin* и черноголовые *S. atricapilla* славки, видимо, чаще, чем чечевицы, поднимают свои гнёзда выше 1 м, но тем не менее это тоже бывает редко (Мальчевский, Пукинский 1983). Об одном таком случае гнездования садовой славки мы уже писали (Прокофьева 1975). Кроме того, было найдено ещё одно гнездо садовой славки в смешанном лесу на высоте 2.5 м (в 1976), а также 2 гнезда черноголовки в елово-лиственном лесу, оба на высоте 2.2 м (в 1960).

Возвращаясь к чечевицам отметим, что одно из упомянутых их гнёзд было расположено на небольшой ёлке, затесавшейся среди лиственных деревьев, на 0.5 м выше прошлогоднего гнезда. Аналогичный случай мы отметили также во время наблюдений за парой садовых камышевок *Acrocephalus dumetorum*, гнездившейся в крапиве на границе смешанного леса с поймой Луги. Сначала эта пара построила гнездо на высоте 0.5 м, которое в конечном итоге оказалось пустым, а затем сделала второе, располагавшееся над первым в 20 см. Оба гнезда были очень хорошо спрятаны в траве. В день обнаружения этих гнёзд 17 июня 1979 в верхнем

(втором) было 2 яйца; потом появилось ещё 3. Вылупление растянулось на 3 дня, но все 5 птенцов благополучно дожили до вылета.

Ещё один вариант расположенных вблизи друг друга гнёзд мы видели в 1984 году. На липе, растущей в пойме, на высоте 5 м было обнаружено гнездо дрозда-белобровика *Turdus iliacus* поверх гнезда рябинника *Turdus pilaris*, где ранее были птенцы. В момент обнаружения, т.е. 29 июня, птенцы белобровика были уже большие. Надо сказать, что случаи нетипичного расположения гнёзд у этого вида уже не раз описывались в литературе (Мартынов 1972; Прокофьева 1975; Головань 1997), что говорит о том, что индивидуальные отклонения в характере гнездования у этого вида не так уж редки. Ещё одно гнездо поверх другого было обнаружено в сосняке в расщелине между двумя стволами толстой сосны на высоте 1.6 м, и оба они принадлежали горихвостке *Phoenicurus phoenicurus*. Располагались они очень глубоко. В нижнем гнезде оказались раздавленные яйца (не менее 4), а в верхнем 1 июля 1955 были 4 птенца в возрасте 6 сут и 1 яйцо-болтун.

Интересно, что кроме “двухэтажных” гнёзд иногда встречаются и “многоэтажные”. Для сравнения приведём сведения об одном таком гнезде, найденном в 1952 в Савальском лесничестве Воронежской обл. Оно было расположено на бузине на высоте 0.8 м. Два нижних его этажа были представлены старыми гнёздами сорокопута-жульана *Lanius collurio*, вдетьх одно в другое, а верхний этаж (тоже двухслойный) принадлежал зеленушке *Chloris chloris*. В гнезде были обнаружены семена и перхоть. Очевидно, птенцы зеленушки благополучно вылетели.

Иногда необычное гнездование можно наблюдать и у деревенской ласточки *Hirundo rustica*. Трижды мы обнаруживали их гнёзда с яйцами и птенцами на патронах электрических лампочек у входов в дома под козырьками на высоте от 2.5 до 4 м. Нечто подобное наблюдали и другие исследователи (Надточий, Харченко, Зиоменко 1986), и что интересно, по их свидетельству лампочка всегда была включена в ночное время.

Что касается белых трясогузок *Motacilla alba*, то, как мы уже отмечали (Прокофьева 1975), они проявляют очень хорошо выраженную пластичность в выборе мест гнездования. Это же не раз наблюдали и другие исследователи (Мальчевский, Пукинский 1983; Steller 1987; Baldauf 1988; Головань 1997; Плешак 1999; и др.). Одно необычно расположенное гнездо этих птиц мы нашли в 1988 году. Оно находилось в изогнувшейся водосточной трубе на стене дома на высоте 5 м. Отделившаяся от крыши труба имела форму буквы “Г”, и гнездо было свито в горизонтальном её колене. 21 июня в гнезде находились большие птенцы.

И наконец, очень большое разнообразие в расположении гнёзд, как и следовало ожидать, было отмечено для серых мухоловок *Muscicapa striata*. Об этой их особенности ранее писали уже неоднократно (Прокофьева 1975; Головань 1982; Горбань 1982; Мальчевский, Пукинский 1983). Тем не менее, каждый новый случай нетипичного гнездования этого вида, безусловно, представляет интерес. Нам же удалось отметить несколько таких случаев. Один из них мы зарегистрировали в 1975. Гнездо серой мухоловки находилось на электроарматуре на стене кирпичного дома в 7 м от земли,

причём совсем на виду, т.к. никакой маскировки не было. Последнее обстоятельство не помешало птенцам благополучно вылететь 1 июля. В 1976 году мы нашли три необычно расположенных гнезда. Одно было свито в пятке повешенной в вертикальном положении калоши на высоте 2 м. Здесь можно было говорить о хорошей маскировке, т.к. оно совершенно не бросалось в глаза, хотя калоша висела вблизи дома, мимо которого постоянно ходили люди. 7 июня в нём было 2 яйца, 11-го — 4, а 15-го его разорили. Другое гнездо удалось обнаружить в смешанном лесу, в низине, в старом гнезде дрозда-белобровика, расположенном на пне. Было оно без всякой маскировки в 0.5 м от земли. 18 июня оно содержало 4 яйца, а 24-го оказалось пустым. Третье гнездо помещалось в недостроенном гнезде деревенской ласточки над дверью дома на высоте 3 м. 9 июня в нём были яйца, а 12-го выяснилось, что оно разорено. Так же было устроено одно гнездо серых мухоловок и в 1977 году, но на другом доме. Оно располагалось под козырьком над входной дверью и не бросалось в глаза. 23 июня самка насиживала в нём яйца, а 1 июля оно оказалось разорённым. 2 июня 1981 на опушке соснового леса удалось обнаружить гнездо серой мухоловки в мыльнице на столбе под железным зонтом вблизи жилого дома. Находилось оно в 1.7 м от земли и издали увидеть его было трудно. Самка насиживала 5 яиц. 17 июня в гнезде находилось 4 птенца в возрасте 3 сут и 1 продавленное яйцо. 25-го, в день последнего осмотра гнезда, птенцы выглядели уже большими. И наконец, в 1989 году на опушке леса вблизи населённого пункта было найдено гнездо серых мухоловок на выступе щита трансформатора на высоте 1.2 м. Замаскировано оно было не очень хорошо. 3 июня в нём было 5 яиц. 11-го началось вылупление, а 24-го все 5 птенцов вылетели. Анализ всех этих случаев необычного расположения гнёзд показывает, что только в половине гнёзд родителям удалось довести птенцов до вылета, тогда как другая половина была разорена. Таким образом, гнездование в необычных местах, в общем, не даёт каких-то особых преимуществ, о чём мы уже писали (Прокофьева 1975).

Иногда во время устройства гнёзд птицы используют необычный для них строительный материал, в особенности если они поселяются вблизи или непосредственно на территории населённых пунктов. Так, в одном гнезде жёлтой трясогузки *Motacilla flava* на лугу метрах в двухстах от ближайших домов было обнаружено стекловолокно. 17 мая 1960 в гнезде находилось 6 яиц, которые насиживала самка. В гнезде серой мухоловки, расположенному под крышей погреба на высоте 2 м, было очень много ваты. 27 июня 1963 самка насиживала в этом гнезде 4 яйца. Ещё в одном гнезде серой мухоловки, которое было найдено в накрытой куском толя кладке кирпичей, сложенной в траве, оказались длинные жёлтые и белые нитки (ирис). Одни концы их были вплетены в стенку гнезда, другие свисали вниз на 35 см, причём само гнездо находилось на расстоянии 0.5 м от земли. Яркие нитки можно было увидеть даже издали. Гнездо нашли 7 июня 1976, когда под ним на кирпичах находились разбитые яйца. Кто его разорил — осталось неизвестным. Надо сказать, что другие исследователи тоже находили в гнёздах серых мухоловок вату, а также бумагу и тряпки, т.е. строительный материал антропогенного происхождения.

Случается, что обращает на себя внимание и необычное содержимое гнёзд. Речь идёт о совмешённых кладках. В таких случаях в гнезде оказывается вдвое больше яиц, чем обычно, поскольку в него несутся две самки. Об этом в своё время писали А.С.Мальчевский и Ю.Б.Пукинский (1983), которым удалось обнаружить в одном гнезде деревенской ласточки кладку из 8 яиц. В литературе есть сведения также и о 5 случаях откладки яиц в одно гнездо двумя самками скворца *Sturnus vulgaris* (Нумеров 1978). Нам пришлось столкнуться с этим явлением трижды.

4 июля 1976 в лиственном лесу в полудупле липы, которое находилось в развилике стволов на высоте 0.6 м, мы обнаружили 13 яиц зарянки *Erithacus rubecula*, причём 6 яиц были одного цвета, а 7 немного другого. Спустя 2 дня наблюдали, как из полудупла вылетели две птицы, а яйца были тёплые.

Ещё одну совмешённую кладку удалось увидеть в гнезде белобровика, поселившегося в густом лиственном лесу в пойме. Гнездо было расположено в 0.7 м от земли на поваленном дереве и замаскировано неважко. 14 июня 1963 в нём находилось 11 яиц и, как в случае с зарянкой, половина из них несколько отличалась от другой половины по интенсивности окраски скорлупы.

Наконец, большой интерес представила находка 3 июля 1968 гнезда зарянки с двумя яйцами кукушки. Это гнездо находилось в смешанном лесу на земле на склоне оврага и было прекрасно замаскировано, что, однако, не помешало двум кукушкам найти его и отложить в него свои яйца. Интересно, что одно из этих яиц по величине было несколько больше другого. Кроме них в гнезде находились ещё 4 яйца хозяев, а пятое их яйцо лежало на 15 см ниже гнезда на склоне оврага. Вылупление началось 8 июля. Первым вылупился кукушонок из маленького яйца и выкинул всё содержимое гнезда, в том числе и второе кукушечье яйцо. Очевидно, правы те исследователи (Мальчевский, Пукинский 1983), которые считают, что в конце периода размножения (в конце июня-июле) кукушки испытывают затруднения во время поисков гнёзд, куда можно было бы отложить яйца. Когда они не в состоянии отыскать кладку своего вида-воспитателя, им приходится подбрасывать яйца в гнёзда случайных видов. Однако в нашем случае получилось другое. Вторая кукушка, нашедшая гнездо своего вида-воспитателя, отложила в него яйцо несмотря на то, что в нём уже находилось яйцо другой кукушки. По-видимому, маленькое яйцо принадлежало первой из посетивших это гнездо кукушек, т.к. птенец из него вылупился раньше, а яйцо побольше снесла вторая кукушка.

Необходимо заметить, что по-разному окрашенные яйца, как это было в описанных выше случаях с гнёздами зарянки и белобровика, попадаются также в кладках с обычным числом яиц, а не только с удвоенным. Например, 4 июня 1989 в скворечнике, находившемся на дереве в смешанном лесу на высоте 3 м, было обнаружено 7 яиц мухоловки-пеструшки *Ficedula hypoleuca*, одно из которых отличалось очень бледной окраской. Аналогичный случай был зарегистрирован во время осмотра гнезда серой мухоловки, расположенного в лиственном лесу в пойме на высоте 1.5 м, на вязе у ствола, где отходил толстый сук. Замаскировано оно было неважко. 15 ию-

ня 1979 в гнезде находились 3 яйца мухоловочьей окраски и 2 светло-голубых с редкими мелкими крапинками. Самка насиживала их. При осмотре гнезда 1 июля выяснилось, что 2 голубых яйца исчезли. 6 июля 3 птенца серой мухоловки были уже совсем большие, но ещё находились в гнезде. К сожалению, происхождение и судьба голубых яиц остались невыясненными. У нас нет никаких доказательств того, что в описанные выше гнёзда мухоловок-пеструшек и серых мухоловок откладывали яйца разные самки, но интересен сам факт нахождения в одном гнезде яиц разной окраски. Не делая никаких определённых выводов, в то же время отметим, что яйца, снесённые разными самками, могут отличаться друг от друга по окраске. Ведь у некоторых других птиц иногда можно видеть в гнёздах кладки, состоящие из яиц нетипичной окраски. Так, например, известен случай, когда в одном гнезде ушастой совы *Asio otus* находились не белые яйца, характерные для этого вида, а светло-серые (Музаев 1997).

Разные особи ведут себя возле гнёзд и в самих гнёздах очень по-разному, хотя для каждой из них прежде всего важно, чтобы гнездо было расположено в недоступном и малозаметном месте (Мальчевский 1959). Поэтому при описании гнёзд мы обычно отмечаем характер его маскировки. Между тем случается, что иногда возникают какие-то нарушения в маскировке, и тогда птицы стремятся ликвидировать их. Так, однажды мы издали наблюдали за садовой камышевкой, которая пыталась снять бумажку, повешенную над её гнездом, чтобы нам было легче находить его. Это гнездо находилось на границе лиственного леса и пойменного луга, располагалось на таволге в 10 см от земли и было прекрасно замаскировано в траве. 12 июня 1985 в нём находилось 4 яйца. Очевидно, камышевка боялась, что повешенная бумажка выдаст местоположение гнезд.

При приближении врага птицы, как известно, слетают с гнезда. Это обычная их реакция, когда возникает какая-то опасность. Но иногда встречаются очень доверчивые особи. Существует мнение, что доверчивость приобретается птицами благодаря контакту с людьми (Мальчевский 1959). На наш взгляд, так бывает не всегда, поскольку мы наблюдали за 8 птицами трёх видов, которые не боялись человека, но все они лишь за двумя исключениями гнездились вдали от человеческого жилья. Совершенно необычным было поведение пеночки-веснички *Phylloscopus trochilus*, чьё гнездо располагалось на склоне канавы на опушке леса на территории населённого пункта. 11 июня 1975 в гнезде было 5 яиц. В дальнейшем вылупилось 4 птенца, а 1 яйцо (раздавленное) оказалось за пределами гнезда. Четыре раза мы накладывали по очереди птенцам шейные лигатуры, и во всех случаях в это время одна из взрослых птиц кормила остальных птенцов. Все птенцы благополучно вылетели после 5 июля. Отметим, что сведения об удивительной доверчивости некоторых весничек во время выкармливания птенцов есть и в литературе (Мальчевский 1959).

Чаще, чем пеночки-веснички, подпускают к себе человека сидящие на гнезде чечевицы. Впрочем, для большинства чечевиц такое поведение нетипично. Мы наблюдали 5 таких случаев, причём эти особи вели себя неодинаково и только одну можно было назвать доверчивой. Её гнездо было обнаружено 9 июня 1976 в лиственном лесу в пойме Луги. Оно располага-

лось на черёмухе на берегу реки на высоте 1 м от земли и было хорошо замаскировано. В момент обнаружения в гнезде было 4 яйца. Насиживающая самка вела себя совсем как ручная. Она не только позволяла дотрагиваться до себя, но и склёвывала насекомых с протянутой ладони. При последнем осмотре гнезда 29 июня её птенцы были уже совсем большие. Другие 4 самки вели себя, напротив, агрессивно, в особенности одна. Эта последняя гнездилась в зарослях шиповника недалеко от дома. Её хорошо замаскированное гнездо располагалось в 70 см от земли. 25 июня 1986 самка насиживала 4 яйца. С появлением птенцов в гнезде 4 июля она стала клеваться, а 6 июля даже умудрилась вспрыгнуть на руку и, не обращая внимания на то, что рука отодвигается от гнезда, больно клевала пальцы. Ещё одна чечевица, гнездившаяся на поляне в пойменном лиственном лесу на маленьком дубке в 60 см от земли, 18 июня 1972 имела в своём хорошо замаскированном гнезде 3 яйца. Она плотно сидела на них и только клевалась, когда из под неё брали яйцо, а затем клали обратно. И это было задолго до появления птенцов, которых в итоге оказалось 4; они появились на свет 29-30 июня. Другие две птицы тоже клевались, причём одна стала это делать, когда вылупились птенцы, а другая ещё сидя на яйцах. У первой гнездо находилось на опушке лиственного леса на ольхе на высоте 40 см и было замаскировано очень хорошо. 11 июня 1979 в нём было 2 яйца, затем стало 4. Из этих яиц 25 июня вылупились 3 птенца, а 4-е яйцо каким то образом выкатилось и лежало под гнездом. С этого момента самка и стала клеваться и продолжала так поступать по отношению к человеку до середины дня 6 июля, когда птенцы покинули гнездо. Вторая самка, чье гнездо было обнаружено 10 июня 1982 в пойме, в широколиственном лесу, на смородине в 40 см от земли, очень плотно сидела на 5 яйцах, клевалась и ни за что не двигалась с места. К сожалению, несмотря на то, что гнездо было хорошо замаскировано и совсем незаметно даже вблизи, его всё-таки разорили.

Изредка подпускают к себе людей и коноплянки *Cannabina cannabina*. Мы наблюдали за двумя самками, которые казались совсем ручными, т.к. позволяли прикасаться к себе. Их гнёзда располагались в еловых посадках, тянувшихся вдоль железной дороги, оба на высоте примерно 1 м от земли. У одной 25 июня 1956 в гнезде было 5 яиц, 3 из которых впоследствии оказались болтунами. Начиная с 8 июля, когда 2 птенцам исполнилось 3 дня, и по 18 июля у них ежедневно из зобов извлекали принесённый родителями корм, и при этом самка не отлетала от гнезда и до неё можно было дотрагиваться рукой. Птенцы стали покидать гнездо 18 июля, когда их очередной раз потревожили. Так же вела себя и вторая самка. 25 июля она насиживала 5 яиц. Потом в её гнезде появилось 6-е яйцо. Однако 6 июля выяснилось, что гнездо брошено. Интересно, что при осмотре кладки оказалось, что из 6 яиц 5 были неоплодотворёнными (болтунами) и только из одного яйца мог вылупиться птенец. Он был почти готов для вылупления, когда самка бросила гнездо. Обе самки в этих двух гнёздах вели себя совершенно одинаково. Из-за этого, а также в связи с тем, что их гнёзда располагались на расстоянии всего 4 м друг от друга и в обеих кладках было много болтунов, можно думать, что нам пришлось иметь дело не с двумя разными, а с одной самкой, которая предприняла попытку загнездиться

второй раз. Однако не совсем правдоподобным кажется то, что эта пара коноплянок, ещё не закончив первое гнездование, приступила ко второму. Если так думать, то получается, что постройка второго гнезда началась тогда, когда в первом гнезде ещё были птенцы.

В целом доверчивость или, наоборот, агрессивность у птиц наблюдались редко. И такое поведение обычным назвать нельзя. Оно характерно только для отдельных особей. Приведём ещё один пример агрессивного поведения, аналогичный однажды описанному (Мальчевский 1959). Речь идёт о сорокопуте-жулане. Самцы жуланов, будучи очень активными, иногда отгоняют от своих гнёзд даже относительно крупных птиц, но на человека нападают лишь немногие из них. Тем не менее, нам всё же удалось зарегистрировать один такой случай. Гнездо, принадлежавшее этим жуланам, мы нашли 5 июля 1955 в зарослях можжевельника на поляне с редкими ёлками. Оно находилось на высоте 0.8 м и было замаскировано не очень хорошо. В день его обнаружения 3 больших птенца сидели уже на ветках выше гнезда, а 2 ещё находились в гнезде. И самка, и самец вели себя очень агрессивно, в особенности последний. Он с ожесточением нападал на наблюдателя и даже один раз сшиб с него шапку.

Говоря о необычном гнездовом поведении птиц, можно привести примеры и совсем иного характера. В частности, нельзя считать обычным кормление птицами чужих птенцов. Ранее мы уже упоминали о том, как в 1961 году наблюдали поползней *Sitta europaea*, которые кормили не только своих птенцов, но и птенцов скворцов в гнезде, располагавшемся на том же дереве на 1.5 м ниже (Прокофьева 2001). Ещё об одном таком случае сообщалось в литературе (Svensson 1955). Это пример помощи, которую оказывал представитель одного вида представителю другого. Но бывает, когда у гнезда появляется помощник, относящийся к тому же виду, что и родители птенцов. Так, 18 июня 1982 мы наблюдали, как птенцов скворца, находившихся в скворечнике на сосне на высоте 4 м, кормили 3 птицы, все скворцы. Кормление осуществлялось очень дружно. При последнем осмотре гнезда 27 июня оказалось, что птенцы стали уже совсем большими и высовываются из гнезда. Согласно существующей точке зрения, у воробиных, если помощник один, то он как правило оказывается самцом (Баккал 1997). Следовательно, и под нашим наблюдением, надо думать, находились самка и два самца.

Иногда можно говорить и о необычном поведении птенцов. Это было зафиксировано 27 июня 1981 во время наблюдений за птенцами скворца. Накануне, когда налетел ураган, со скворечника, расположенного на сосне в 4 м от земли, слетела крышка. Воспользовавшись этим, птенцы, которым было 19 дней, приспособились выпрыгивать из скворечника на его края, когда родители приносили корм, а затем снова прыгали вниз. Обычно птенцы скворцов так как себя не ведут, если им приходится находиться в дупле или в нормально устроенном скворечнике. Самое большое, что они себе позволяют в таких случаях, это высовываться из летка.

Слабые и поэтому малоактивные птенцы нередко погибают. Тогда родители выбрасывают их из гнезда. Однажды мы наблюдали за тем, как выбрасывали мёртвого птенца домовые воробьи *Passer domesticus*. 13 июня

1974 в стрижатнике на стене дома было обнаружено гнездо этих птиц. В нём находились 1 яйцо-болтун, 2 мёртвых птенца, один очень слабый птенец и два на вид жизнеспособных, в возрасте 5-6 дней. На следующий день слабый птенец погиб. Самка вытащила его, некоторое время несла, а потом уронила. Самец же, как оказалось, подстраховывал её. Он подлетел к падавшему птенцу, подхватил его и понёс дальше. Спустя 3 дня выяснилось, что в гнезде остался всего-навсего один птенец. Значит, из тех двух птенцов, которые ещё совсем недавно казались вполне жизнеспособными, один всё-таки погиб. Родители же удалили из гнезда одного за другим всех мёртвых птенцов.

Необычное гнездовое поведение иногда демонстрируют не только воробьиные, но и, например, стрижи. 12 июня 1984 мы обнаружили в скворечнике на сосне стрижа, который насиживал 2 своих яйца и 4 брошенных яйца скворца. Такую картину удаётся увидеть редко. После того, как яйца скворца забрали, стриж продолжал насиживать свои яйца. Чаще же стрижи просто изгоняют мелких птиц, если эти последние уже поселились в дуплах и скворечниках, которые они облюбовали (Мальчевский, Пукинский 1983). Такую картину мы наблюдали дважды. В одном случае 12 июня 1988 в скворечнике оказалось гнездо большой синицы *Parus major*, в котором поселились стрижи. В гнезде находились 2 яйца стрижа и 1 яйцо синицы. Спустя 13 дней, 25 июня, из одного яйца стрижа вылупился птенец. В другом случае 26 июня 1989 в скворечнике было найдено гнездо горихвостки с 6 птенцами в возрасте 1-3 дней, причём стрижей поблизости никто не видел. Однако спустя 3 дня в этом гнезде уже был обнаружен стриж, который успел задавить двух птенцов горихвостки. Таким образом, реакция стрижей на то, как приходится осваивать уже занятые другими птицами дупла или скворечники, бывает самой различной.

Из всего сказанного следует, что всевозможные отклонения у птиц в характере гнездования и поведения, безусловно, имеют место и направлены прежде всего на то, чтобы благополучно вывести потомство. В ряде случаев благодаря им птицы приобретают определённые преимущества, позволяющие успешно размножаться, что, однако, это бывает далеко не всегда.

Литература

- Баккал С.Н.** 1997. Поведение помощничества и забота о потомстве у птиц // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 29: 3-17.
- Головань В.И.** 1982. Сравнительная экология европейских видов мухоловок (биология размножения, линька и территориальное поведение). Автореф. дис. ... канд. бiol. наук. Л.: 1-23.
- Головань В.И.** 1997. Случай нетипичного расположения гнёзд воробьиных на юго-востоке Псковской области // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 23: 21.
- Горбань М.И.** 1982. Гнездование серой мухоловки в старых гнёздах других птиц // *Орнитология* 17: 180-181.
- Мальчевский А.С.** 1959. Гнездовая жизнь певчих птиц: Размножение и постэмбриональное развитие лесных воробьиных птиц Европейской части СССР. Л.: 1-282.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б.** 1983. Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология. охрана. Л., 1: 1-480, 2: 1-504.

- Мартынов Е.Н.** 1972. Нетипичное гнездование птиц под Ленинградом // *Орнитология* 10: 365-367.
- Музаев В.М.** 1997. Случай нетипичной окраски яиц и птенцов ушастой совы *Asio otus* // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* 29: 17-19.
- Надточий А.С., Харченко Л.П., Зиоменко С.К.** 1986. Изменение гнездостроительного стереотипа птиц в антропогенном ландшафте // *Изучение птиц в СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., 2: 94-95.
- Нумеров А.Д.** 1978. Случай аномальной откладки яиц у обыкновенного скворца // *Тр. Оксского заповедника* 14: 356-357.
- Плешак Т.В.** 1999. Случай нетипичного гнездования большой синицы *Parus major* и белой трясогузки *Motacilla alba* // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* 62: 22.
- Прокофьева И.В.** 1975. Случай нетипичного расположения гнёзд у некоторых воробьиных // *27-е Герценовские чтения. Биология*. Л.: 30-35.
- Прокофьева И.В.** 2001. Забота о птенцах и питание поползней *Sitta europaea* // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* 168: 1019-1027.
- Baldauf G.** 1988. "Eisenbahnvögel" // *Falke* 35, 9: 300-303.
- Steller P.** 1987. Niecodzienne warunki gniazdowania pliszki siwej (*Motacilla alba*) // *Not. ornithol.* 28, 1/4: 110-111.
- Svensson S.** 1955. Nötväcka (*Sitta europaea*) som matar starungar (*Sturnus vulgaris*) // *Vår fagelvärld* 14, 4: 256.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2002, Экспресс-выпуск 186: 493-500

О возможностях изменения некоторых форм поведения птиц

Ю.А.Исаков

Дарвинский государственный заповедник

*Второе издание. Первая публикация в 1956**

Способность птиц производить чрезвычайно сложный комплекс работ по строительству гнёзд с соблюдением при этом ряда особенностей, характерных для того или иного вида, издавна поражает всех наблюдателей природы. Такие сложные постройки, как коллективные гнёзда ткачиков, кошельки ремезов, сотканные из ивового пуха, лепные гнёзда городских ласточек, дупла дятлов или двухметровые норы пеганок, сооружаются самостоятельно молодыми птицами, впервые приступающими к размножению. Не менее поразительна также способность птиц совершать дальние сезонные перелёты, придерживаясь определённых, характерных для данного вида маршрутов, проводить зимнее время на строго определённых территориях и возвращаться весной на свои гнездовые участки.

* Исаков Ю.. 1956. О возможностях изменения некоторых форм поведения птиц // *Пути и методы использования птиц в борьбе с вредными насекомыми*. М.: 153-160.

Эти сложные формы поведения птиц, которые в большинстве случаев нельзя рассматривать как результат подражания молодых птиц поведению старых, относятся к разряду инстинктивных, сложившихся в процессе длительной эволюции каждого вида. Было принято считать, что они проявляются в виде цепи врождённых рефлексов, имеющих приспособительный характер и координированных как между собой, так и с деятельностью всего организма (Вагнер 1913; Фролов 1925; Васильев 1941). Влиянию внешних воздействий на проявление и течение инстинктивных реакций зачастую отводилась лишь роль возбудителя или ключа от уже заранее заданного механизма (Lorenz 1937).

Однако природа инстинктивного поведения птиц на самом деле много сложнее. Как показали экспериментальные исследования А.Н.Промптова (1945, 1946, 1948*) на птицах, инстинктивная деятельность есть стереотипная координация врождённых и индивидуально приобретённых рефлексов при взаимодействии и тех и других с сезонными циклами жизнедеятельности организма. Такая стереотипность у особей одного вида или популяции вырабатывается в результате единобразия приобретённых ими реакций на общие для них условия жизни. Эти динамические стереотипы (И.П.Павлов) создаются под влиянием среды обитания данной популяции и воспитания.

Воспитание птиц в изменённых, необычных для вида условиях нарушает свойственную им стереотипию поведения и влечёт за собой перестройку инстинктивных реакций. Нарушения эти могут быть достаточно глубокими. Так, эксперименты М.Е.Лобашева и его сотрудников (1953, 1954) показали, что условные рефлексы, образующиеся на базе безусловных, изменяют последние в соответствии с действием внешнего раздражителя. Воздействием на безусловный рефлекс в стадии его формирования путём сочетания соответствующих внешних агентов (по принципу временной связи) можно направленно изменять врождённые рефлексы и реакции. Это объясняет пластичность инстинктивного поведения птиц и намечает возможные пути направленного его изменения.

В процессе опытных работ по переселению перелётных птиц, проводившихся в течение ряда лет Дарвинским заповедником, накопились некоторые наблюдения, иллюстрирующие высказанные выше положения. Они и являются темой настоящей статьи.

Привязанность птиц к определённым географическим районам гнездования и зимовки нельзя считать их врождёнными и неизменными свойствами. Вряд ли приемлем и взгляд на пути пролёта птиц как на следы геологического прошлого, зачастую уже полностью утратившего своё экологическое значение (Пузанов 1938; Тугаринов 1952). Эти биологические свойства птиц формируются, закрепляются и сохраняются у различных видов, их географических популяций и отдельных стай под воздействием конкретной экологической обстановки и в строгом соответствии с ней. Поэтому как места гнездования птиц, так и пути их сезонных миграций могут быть изменены активным вмешательством человека. Добиться этих изме-

* См. также: Лукина (1953).

нений легче всего путём воздействия на организм птицы в период становления их реакций на условия существования, то есть в птенцовом возрасте. Перевозить в новые местности следует яйца и молодых птенцов, ещё не начавших самостоятельной жизни.

Положение это полностью подтвердилось результатами наших опытов переселения перелётных птиц. В этих опытах удалось переселить диких серых гусей *Anser anser* из дельты Волги на Рыбинское водохранилище. Из тростниковых зарослей на Каспийском взморье гусята были перемещены к северу на 1500 км, в тайгу зону, на водоём с лесистыми берегами и островами из плавучего торфа. Они выросли в совершенно новой экологической обстановке, в соответствии с которой сформировалось их поведение, возникли и закрепились условно-рефлекторные связи. Водохранилище стало их новой родиной. Отлетая на зимовку, гуси регулярно возвращаются обратно, размножаются, и уже дали начало местной гнездовой популяции. Изменились у них, по-видимому, и места зимовки, так как астраханские гуси зимуют обычно на Каспии или в западной части Средиземного моря, а гусь из Дарвиновского заповедника был добыт в декабре в Польской Силезии, около Щецина, то есть не на средиземноморском, а на атлантическом пути (Исаков 1955).

Возвратились в Дарвинский заповедник и гнездились в нём пёстрые мухоловки *Ficedula hypoleuca*, перевезённые яйцами и птенцами из Тульских засек, скворец *Sturnus vulgaris*, взятый птенцом из г. Весьегонска, пустельга *Falco tinnunculus* и кобчик *Falco vespertinus*, доставленные птенцами из Ставропольской области с реки Иловли. Во всех этих случаях удалось изменить район гнездования птиц, переселив их в намеченную точку, причём кобчик (который, по-видимому, всё же не гнездился) залетел при этом за пределы своего обычного ареала. Удачно закончился опыт переселения мухоловок-пеструшек из-под Серпухова в курские степные дубравы. Несомненно, что, как и у серых гусей, перемещение всех птиц с юга на север или в обратном направлении заставило их сменить направление своих сезонных миграций. Наряду с этим, хорошо известны многочисленные факты, когда в результате проведения биотехнических мероприятий некоторые виды птиц получают возможность задерживаться на зиму там же, где они и гнездились, в результате чего создаются локальные оседлые популяции этих видов. В качестве примеров упомяну о кряках *Anas platyrhynchos* на прудах Московского зоопарка, кряках и огарях *Tadorna ferruginea* в "Аскании-Нова" и чёрных дроздах *Turdus merula* в парках Западной Европы.

Всё это убеждает в том, что даже самые основные черты так называемого перелётного инстинкта птиц могут быть изменены в результате направленного воздействия.

Всем гнездящимся птицам свойственен инстинкт возврата к своему гнезду, которое они находят по окружающей обстановке, а в крупных колониях — по взаимному расположению соседних гнёзд. Родители, отвезённые от гнёзд, содержащих кладки яиц или птенцов, возвращаются к ним иногда с очень больших расстояний. Не останавливаясь на широко известных исследованиях над скворцами, крачками и чайками, имеющихся в ли-

тературе, упомяну о некоторых опытах, проведённых в Дарвиновском заповеднике.

В 1952 г. на гнёздах было отловлено 9 взрослых скворцов, 5 из которых выпущены через 14 ч на ст. Сонково, а 4 через 24 ч под Москвой. Из первого пункта, отстоящего по прямой на 96 км, возвратились две птицы через сутки после их выпуска, а из второго, за 300 км, одна через двое суток. Возможно, что малый процент возврата имел место потому, что в дни опыта шли проливные дожди, в результате которых в 5 подопытных гнёздах погибли птенцы. По этой причине регистрация возвращающихся птиц могла быть неполной.

В 1953 г. проведено три опытных перевозки ласточек-воронков *Delichon urbica*, взятых от гнёзд с птенцами. Ласточки выпущены: в с. Коротово (60 км к северу) через 5 ч после поимки; в г. Калязине (144 км к юго-западу) через 28 ч; на пристани Переборы около г. Щербакова (68 км к югу) одна через 14 ч, одна через 19 и 3 через 25 ч. Из 9 ласточек, выпущенных в Коротове, вернулось 8, из них: 4 через 9-10 ч и 4 через 22 ч. Из Перебор вернулись 3 ласточки из 5, причём птицы, выпущенные через 14 и 19 ч, вернулись обе, первая через 10, а вторая через 11 ч после выпуска, из птиц, выпущенных через сутки, вернулась лишь одна и прилетела она через 15 ч. Наконец, из Калязина вернулись 2 ласточки из 6, одна через 26 ч и другая через 32.

В этих небольших и чисто ориентировочных опытах обращает на себя внимание то обстоятельство, что процент возврата птиц уменьшается, а сроки, через которые они возвращаются к гнёздам, возрастают не столько от удлинения расстояния перевозки, сколько от удлинения срока между поимкой птицы и её выпуском, что особенно хорошо видно на примере выпуска птиц в Переборах.

Эти наблюдения полностью подтвердились и нашли себе объяснение в опытах перевозок взрослых птиц с птенцами. В 1952 г. Н.Н.Титаевой ставились опыты перемещения дуплянок с птенцами и самкой пёстрой мухоловки. Птица, ночующая в гнезде, закрывалась в нём и гнездовой ящик ночью переносился в другой квартал леса. Там отверстие летка, иногда сразу, а иногда через некоторое время, открывалось, причём птица не всегда скоро вылетала наружу. Во всех случаях взрослые птицы к птенцам не возвращались. Реакция их на место гнезда пересиливала реакцию на само гнездо и птенцов. Те же результаты были получены в аналогичных опытах С.А.Корытина, В.Ф.Бисеркина и А.И.Дятлова (1952).

Очень много интересного в этом отношении дал опыт массовой перевозки птенцов пёстрой мухоловки с взрослыми птицами из-под Серпухова за Курск в Стрелецкую и Казацкую степи, проведённый в 1953 г. В процессе выполнения этого мероприятия взрослые птицы, сидевшие в перевозочных ящиках и занятые кормлением молодых, неоднократно, при неосторожном открывании клеток, вылетали из них. Если это случалось в течение 24-36 ч после изъятия птиц из гнезда, они, вырвавшись на свободу, сразу же улетали, взяв направление на свой участок леса. После этого срока картина резко менялась. Вырвавшаяся из клетки птица оставалась поблизости и начинала перелетать около ящиков, беспокойно реагируя на

писк птенцов. От ящиков птицы отлетали лишь тогда, когда к ним выпускалось несколько лётных птенцов. Видимо, за этот срок реакция на место гнезда подавлялась реакцией на выводок, хотя и находящийся в необычных условиях.

На местах выпуска ни одна из взрослых птиц не проявляла тенденции улететь. Все они держались при выводках до момента перехода их к самостоятельному существованию. Некоторые из перевезённых птенцов оказались ещё слишком молодыми и нуждались в нескольких днях пребывания в гнезде до их вылета. С этой целью Т.Б.Ардамацкой и К.П.Плешаковой был поставлен следующий интересный опыт. Восемь выводков молодых птенцов вместе с кормящими их взрослыми птицами были изъяты из ящиков и помещены в дуплянки, развешанные в лесу. Птицы продолжали кормить птенцов и все выводки были благополучно воспитаны. Таким образом, двухсуточный срок пребывания в транспортных ящиках полностью снял у кормящих птиц их реакцию на прежние гнёзда и позволил переместить их в новые гнёзда, на новом месте и с новым выводком.

Характер устройства и расположения гнезда — стойкие биологические особенности птиц, присущие каждомуциальному виду. Они воспроизводятся молодыми, впервые гнездящимися птицами почти с той же степенью точности, как и старыми. Однако особенности эти различны в разных географических пунктах. Так, например, такая типичная норная птица как утка пеганка *Tadorna tadorna* на некоторых островах Чёрного моря устраивает поверхностные гнёзда, расположенные в бурьянах. Утка огарь в равнинном Казахстане и многих других местах гнездится в норах, на Алтае и Байкале в трещинах скал, в Хакасии в дуплах, в Узбекистане иногда даже на высоких зданиях. Резкие изменения экологической обстановки могут сильно изменять характер гнездования, свойственный тому или иному виду. Так, вырубка лесов по р. Иману заставила дуплогнездника утку мандаринку *Aix galericulata* перейти местами на гнездование в пнях, под камнями и даже под кучами хвороста. После затопления Молого-Шекснинской низины с её дуплистыми дубравами гоголи *Buccephala clangula* гнездились некоторое время в поленницах дров и стогах сена. Наконец, серые вороны *Corvus cornix* в Кандалакшском заповеднике в результате регулярного разорения их гнёзд стали гнездиться скрытно на земле, под навесом камней. Это говорит о значительной пластичности этой формы инстинктивного поведения птиц и о возможности направленного её изменения.

Именно это обстоятельство позволяет привлекать птиц в искусственные гнездовья, зачастую совсем не схожие с естественными гнёздами тех же самых видов. Примером может служить гнездование в ящиках гоголя, кряквы, свиязи *Anas penelope* и широконоски *A. clypeata* (Дарвинский заповедник), гаги *Somateria mollissima* и турпана *Melanitta fusca* (о-в Вайко), а в дуплянках — большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* (Воронежский заповедник) и чёрного дятла *Dryocopus martius* (Латвия). Есть все основания предполагать, что процесс освоения птицами искусственных гнездовий идёт постепенно, и особи, выведшиеся в них, будут занимать их значи-

тельно легче, чем вышедшие в естественных гнёздах. Основания для этого предположения таковы.

Как известно, гнездо и окружающая его экологическая обстановка, характерные для того или иного вида птицы, служат “внешними раздражителями”, стимулирующими начало процесса размножения у особей данного вида. В некоторых случаях бывает достаточно даже грубой имитации этих условий. Так, например, развеска гнездовых ящиков в вольерах с волнистыми попугаями *Melopsittacus undulatus* служит сигналом к началу размножения этих птиц. Наличие куч камней, сложенных у прудов Московского зоопарка, дало толчок к размножению лебедей-кликунов *Cygnus cygnus*, белощёких *Branta leucopsis* и канадских *B. canadensis* казарок. Постройка искусственных гнёзд даёт начало возникновению новых колоний цаплевых птиц, пеликанов и др.

Однако эту чётко выраженную реакцию на гнездовую обстановку, являющуюся характерным видовым свойством птиц, нельзя считать целиком врождённой. По-видимому, и она в известной мере формируется в процессе индивидуального развития особи и может быть сильно изменена. Об этом свидетельствуют некоторые наблюдения над птицами, воспитанными в гнёздах других видов.

Как пример можно привести следующие интересные факты. В 1950 г., в порядке опытов по подысканию хороших наседок и кормилиц среди птиц синантропов, в несколько гнёзд ласточек воронков были подложены яйца береговых ласточек *Riparia riparia*. Птенцы, выведенные и вскормленные приёмными родителями, благополучно вылетали из гнёзд. Молодые воронки обычно первые 12 дней возвращаются к своим гнёздам и проводят в них ночь. Того же требовали взрослые воронки и от своих приёмных детей. Пролетая с криками около птенцов, родители заманивали их в гнездо и добились этого. Несколько раз В.М.Поливанову удалось наблюдать, как молодые береговые ласточки залетали в гнёзда. На следующий год 6-7 (или даже 8) береговых ласточек роились весной в стае воронков около гнёзд. Они держались здесь несколько дней подряд, а затем исчезли. К сожалению, серьёзного внимания на этот факт мы своевременно не обратили. Ещё через год, то есть в 1952 г., в колонии воронков вновь появилась береговая ласточка. Около недели она держалась у гнёзд и неоднократно залетала в них. Удалось наблюдать, что когда береговая ласточка долго задержалась в одном из гнёзд, то сперва её пытались выгнать один из хозяев гнезда, а потом ему на помощь пришёл и второй, после чего они обоюдными усилиями выволокли непрошшеную гостью. Эта ласточка имела кольцо, стало быть, она была из числа птиц, воспитанных под воронками.

Береговая ласточка, воспитанная в необычных для этого вида условиях, даже на второй год после вылета из гнезда имела совершенно несвойственную своему виду реакцию на гнездо и окружающую его экологическую обстановку. Она стремилась не к береговым обрывам, пестрящим чёрными пятнами норок, а к лепным гнёздам под карнизами домов посёлка. Птица искала общества среди особей не своего вида, а того, с которым связаны восприятия птенцовного периода жизни. Вопреки выводам А.Н.Промптова

(1938), сделанным на основании аналогичных опытов, реакции, сложившиеся при жизни в гнезде и в первые дни после вылета из него, изменили нормальную для данного вида реакцию на гнездовую обстановку. Эти наблюдения, равно как и некоторые другие, говорят о возможностях и путях направленного изменения некоторых видовых особенностей размножения птиц.

Реакции родителей на голос и повадки птенцов, так же как и реакции птенцов на голос родителей, являются частично врождёнными, частично же формируются за период выкармливания и воспитания птенцов. О последнем говорит способность птиц воспитывать птенцов чужого вида. Ласточки-воронки, выкармливающие береговых ласточек, хорошо реагируют на писк своих приёмышей, но не обращают внимания на громкие голос птенцов своего вида. Ласточки-касатки *Hirundo rustica* долгое время проявляют заботу о вылетевших из гнёзд воспитанниках. Они разыскивают скрывающегося в густой траве птенца лугового чекана *Saxicola rubetra* по его резкому свисту, серых славок *Sylvia communis*, держащихся днём в кустарниках и ночующих в кроне невысоких сосен, серых *Muscicapa striata* и пёстрых *Ficedula hypoleuca* мухоловок по их голосам, ставшим условными раздражителями для родителей-воспитателей.

Привыкают к голосам родителей и птенцы. Гоголята, выведенные под кряквой, быстро начинают реагировать на тревожное кряканье матери, предупреждающее о появлении хищника. Береговые ласточки, воспитанные воронками, стремятся к обществу этого вида, а дикие серые гуси, выкормленные человеком, даже на четвёртом году жизни, совершив два перелёта на зимовку, всё ещё продолжают откликаться на привычный им крик “тега-тега”.

Интересное наблюдение сообщил мне латвийский орнитолог-натуралист К.А. Вилкс. Его внимание привлёк один самец мухоловки-пеструшки, регулярно вставлявший в свою песню “строфы” из песни пеночки-желтобровки *Phylloscopus sibilatrix*. Певец был пойман и по надетому на него кольцу удалось установить, что это один из птенцов, выведенных и воспитанных два года назад пеночкой-желтобровкой из подложенных в её гнездо яиц. По-видимому, элементы песни чужого вида, воспринятые ещё птенцом, сохранились у взрослой птицы, перешедшей к самостоятельной жизни.

Приведённые нами наблюдения говорят о том, что в сложных формах инстинктивного поведения птиц, являющихся характерными биологическими признаками каждого вида, значительная роль принадлежит условно-рефлекторным реакциям, накапливающимся за период индивидуальной жизни каждой особи. Это обстоятельство обеспечивает возможность направленного воздействия на некоторые интимные черты биологии птиц путём создания соответствующих условий для птенцов, как находящихся в гнёздах, так и переходящих к самостоятельной жизни.

Литература

Вагнер В.А. 1913. *Биологические основания сравнительной психологии. 2. Инстинкт и разум.* СПб.

- Васильев Г.А.** 1941. *Физиологический анализ некоторых форм птенцового поведения*. М. (рукопись диссертации).
- Исаков Ю.А.** 1955. Опыт переселения дикого серого гуся на Рыбинское водохранилище // *Бюл. МОИП. Нов. сер. Отд. биол.* 60, 1: 39-42.
- Корытин С.А., Бисеркин В.Ф., Дятлов А.И.** 1952. К вопросу изучения пластичности гнездового инстинкта у мелких птиц // *Бюл. МОИП. Нов. сер. Отд. биол.* 57, 1: 15-21.
- Лобашев М.Е.** 1954. К вопросу об изменении безусловных рефлексов в онтогенезе // *Изв. АН СССР. Сер. биол.* 2.
- Лобашев М.Е., Савватеев В.Б.** 1953. Изменение безусловных рефлексов в онтогенезе кур методом условных рефлексов. Сообщение 1. Изменение суточного стереотипа и времени откладки яиц // *Тр. Ин-та физиол. им. И.П. Павлова АН СССР* 2: 503-522.
- Лукина Е.В.** 1953. Изменчивость некоторых инстинктивных реакций у птиц // *Природа* 7: 40-48.
- Промптов А.Н.** 1938. Эксперименты по изучению экологической пластичности некоторых видов птиц // *Зоол. журн.* 17, 3: 533-539.
- Промптов А.Н.** 1945. Физиологический анализ инстинкта гнездостроения у птиц // *Изв. АН СССР. Сер. биол.* 1: 1-26.
- Промптов А.Н.** 1948. О некоторых закономерностях онтогенетического развития поведения птиц в связи с проблемой эволюции функций нервной системы // *Журн. общ. биол.* 9, 2: 145-163.
- Пузанов И.И.** 1938. *Зоогеография*. М.: 1-359.
- Тугаринов А.Я.** 1952. Пути перелетов птиц как свидетельство былых ландшафтов и территориальных связей // *Зоол. журн.* 31, 5: 700-713.
- Фролов Ю.П.** 1925. *Физиологическая природа инстинкта*. М.
- Lorenz K.** 1937. Über den Begriff der Instinkthandlung // *Folia Biotheoretika. Ser. B.* 11.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2002, Экспресс-выпуск 186: 500-506

Зимнее население птиц Уссурийского заповедника и сопредельных территорий

В.А.Харченко

Уссурийский заповедник, г. Уссурийск, Приморский край, 692519, Россия

Поступила в редакцию 6 января 2002

Наши наблюдения проводились в Уссурийском заповеднике и на сопредельных территориях в 1998-2001 годах. В состав зимней орнитофауны мы включили все виды птиц, которые были встречены в календарные сроки зимы: с декабря по февраль. Поскольку в действительности зима в Приморье продолжается с конца октября по середину марта, мы внесли в список и виды, наблюдавшиеся в начале и конце этого периода. В большинстве это виды, для которых характерны поздние сроки осенних и ран-

ние сроки весенних миграций. Помимо собственных наблюдений автора, использованы сообщения инспекторов охраны заповедника. Всего зимой в заповеднике зарегистрировано 68 видов птиц, весьма условно разделённых нами на несколько групп.

О седлые и синантропные оседлые виды

Spizaetus nipalensis. Пара хохлатых орлов (вероятно, одна и та же) периодически наблюдалась в Комаровской пади, в долине реки Комаровки между устьями ключей Мокрый и Комаровский, в Туровой пади. Одного парящего орла, по-видимому пролётного, видели 5 марта 2000 в районе Петровского ключа.

Tetrastes bonasia. Обычный, равномерно распределённый по территории заповедника вид. В начале зимы встречаются одиночные рябчики и группы до 3 птиц, во второй половине зимы чаще попадаются пары.

Aegolius funereus. С конца первой декады октября на пустоши около бывшего посёлка Комарово-Заповедное отмечали в разные годы от 1 до 3 мохноногих сычей.

Strix uralensis. Численность зимующих длиннохвостых неясытей колеблется по годам. Так, в районе Комарово-Заповедное зимой 1998/1999 и 1999/2000 по голосу отмечено по одной особи, 2000/2001 — ни одной. В начале зимы 2001/2002 здесь одновременно можно было слышать трёх сов.

Garrulus glandarius. Небольшие группы соек, от 3 до 5, постоянно держались в районе Комарово-Заповедное, в долине Комаровки (между устьями ключей Турова и Сальникова).

Pica pica. В небольшом числе наблюдалась у жилых лесных кордонов. Обычна в сёлах Каймановка и Каменушка.

Corvus corone. Чёрная ворона обычная около лесных кордонов, в с. Каймановка и его окрестностях.

Certhia familiaris. В небольшом числе пищуха встречается зимой во всех типах леса.

Passer montanus. В небольшом числе полевой воробей отмечен у жилых лесных кордонов. Крупные стаи воробышь обычны в сёлах Каймановка и Каменушка.

Гнездящиеся и частично зимующие виды.

Совершают местные или далёкие кочёвки стаями и в одиночку

Accipiter nisus. Зимой одиночные перепелятники время от времени наблюдались в долинном лесу бассейна Комаровки.

Falco tinnunculus. Одиночные пустельги встречаются зимой на полях у с. Каймановка.

Phasianus colchicus. На территории заповедника кочующие особи отмечаются с конца сентября до середины зимы (у горы Змеиной, в устье Аничиного ключа, в районе Комарово-Заповедное). По соседству с заповедником фазаны постоянно, в том числе и зимой, держатся на брошенных полях в низовьях Суворовки, в окрестностях с. Каймановка.

Picus canus. Зимой седые дятлы периодически отмечаются в заповеднике и на сопредельных территориях во время кочёвок.

Dryocopus martius. Кочующие чёрные дятлы периодически появлялись в заповеднике и окрестностях. С третьей декады января одиночные птицы постоянно отмечались в долинном лесу бассейна Комаровки, в низовьях Аникиного ключа и в пойменном лесу по р. Суворовка (район горы Змеиной), а также по р. Молоканка, у с. Каймановка за пределами заповедника.

Dendrocopos major, *D. leucotos*, *D. minor*. Эти дятлы обычны в заповеднике и его окрестностях в течение всего года.

Dendrocopos canicapillus. Изредка острокрылые дятлы отмечались в долинном лесу в районе впадения Комаровского ключа в Комаровку и на месте бывшего посёлка Комарово-Заповедное.

Dendrocopos kizuki. Карликовый дятел довольно обычен зимой в заповеднике и на сопредельной территории.

Cyanopica cyanus. Кочующие стайки голубых сорок часто наблюдались в древесно-кустарниковых зарослях около Комарово-Заповедное, Каймановки, в низовьях Суворовки с середины октября по начало ноября. В декабре-январе голубые сороки встречаются довольно редко.

Nucifraga caryocatactes. В небольшом числе кедровки встречались в районе ключей Миронов, Родионов, Покорский, в елово-пихтовом лесу около устья ключа Аникин. В 1999 году, в отличие от других лет, одиночные кедровки встречались в районе Комарово-Заповедное и у ключа Кабаний в конце октября-начале ноября. В третьей декаде октября птицы наблюдались у сёл Каймановка и Каменушка, что, по-видимому, было связано с бескормицей в лесу.

Corvus macrorhynchos. Зимой большеклювая ворона встречается в заповеднике и его окрестностях. В конце октября 1999 в районе Комарово-Заповедное наблюдались скопления до 40 ворон.

Cinclus pallasii. На Коряевом ключе (район горы Змеиной) периодически встречали от 1 до 3 бурых оляпок, кормящихся в полынях.

Troglodytes troglodytes. Зимующие одиночные крапивники отмечены на Коряевом ключе, в низовьях Каменки, на Молоканке. Осенний пролёт заканчивается к середине ноября, иногда затягивается до конца второй декады месяца.

Aegithalos caudatus. Кочующие стайки ополовников периодически встречались в долинных широколиственных и пойменных лесах.

Parus palustris. Кочующие стайки болотных гаичек обычны в заповеднике и на сопредельных территориях.

Parus montanus. В небольшом числе пухляки попадались в кочующих стаях болотных гаичек и поползней.

Parus minor. Стai восточных синиц постоянно встречались в зимний период.

Parus ater. Московки зимуют в небольшом количестве. Одиночки и группы по 3-4 птицы отмечались в смешанных стаях с гаичками. С начала февраля московки начинают встречаться чаще: продолжают попадаться одиночные особи и появляются небольшие чистые стаи московок.

Sitta europaea. Одиночные поползни и группы по 7 птиц наблюдались во всех типах леса. Входили в состав смешанных стай с гаичками и восточными синицами. Возможно, часть поползней ведёт оседлый образ жизни.

Chloris sinica. Зимой периодически отмечались одиночные китайские зеленушки и стайки до 5-7 особей на окраинах полей в низовьях Суворовки и у с. Каймановка.

Uragus sibiricus. С середины по конец октября происходит массовый пролёт урагусов. Небольшое число особей зимует: небольшие стайки (до 5 особей) наблюдались в кустарниковых зарослях у Комарово-Заповедное, у Каймановки и Каменушки, в низовьях Суворовки.

Emberiza cioides. Красноухая овсянка зимует в небольшом количестве. Группы до 4 птиц отмечались на полях у с. Каймановка и в низовьях Суворовки, на застраивающих пустошах в районе горы Змеиной.

Виды, встречающиеся только в зимнее время

Circus cyaneus. Изредка 1-2 полевых луны наблюдались у реки Суворовки (в районе Корявого ключа) и на полях у Каймановки. Осенью луны появляются в третьей декаде сентября-начале октября. Самая поздняя весенняя встреча произошла 21 апреля 1999: 1 особь на полях у Каймановки.

Buteo lagopus. Зимой встречается у пустоши на месте бывшего посёлка Комарово-Заповедное (1-2 особи). По соседству с заповедником, на полях в низовьях Суворовки, на 6 км маршрута в разное время учитывали от 3 до 5 птиц. Зимняк появляется с середины сентября. Самая поздняя весенняя встреча отмечена 15 апреля 2000.

Buteo buteo. Канюк появляется в начале третьей декады октября. Одиночные птицы постоянно держатся в тех же местах, что и зимняки, встречаясь до последних чисел марта.

Aquila chrysaetos. Самая ранняя встреча беркута отмечена 16 октября 2001, когда в районе Комарово-Заповедное была встречена молодая особь. Одиночных орлов время от времени удавалось видеть над полями у Каймановки и в низовьях Суворовки в течение зимы вплоть до середины марта.

Haliaeetus albicilla. Одиночные орланы-белохвосты периодически отмечались в районе Комарово-Заповедное, на полях в низовьях Суворовки и у села Каймановка. В 2000 году наблюдались группы орланов, кормившихся на падали. Около Мандаринового озера во второй половине февраля у трупа оленя держались 6 белохвостов (вместе с беркутами). 6 марта на трупе собаки, сбитой машиной у места впадения ключа Жарикова в Артёмовку, кормились 5 орланов.

Gallinago solitaria. Горный дупель отмечался на реках: Молоканка, Барсуковка, Комаровка (в районе впадения Комаровского ключа), Суворовка (около устья Корявого ключа и в его нижнем течении). Самая ранняя встреча произошла 16 октября 1999 на Молоканке у Каймановки. Обычно кулики улетают до середины марта. Самая поздняя встреча зарегистрирована 31 марта 2001 (на Корявом ключе 2 одиночные птицы).

Lanius excubitor. Одиночные серые сорокопуты отмечались со второй декады октября на полях в низовьях Суворовки.

Corvus corax. Прилетает в начале ноября. В 2001 году первое появление ворона отмечено 12 октября в районе Комарово-Заповедное.

Acanthis flammea. Осенний пролёт начинается во второй декаде октября. С этого времени кормящиеся стайки чечёток периодически попадаются на полях в низовьях Суворовки и у с. Каймановка до середины марта.

Carpodacus roseus. Осенний пролёт начинается с конца первой-начала второй декады октября. Небольшие стайки и одиночные сибирские чечевицы часто держатся в кустарниках у района Комарово-Заповедное, вдоль дороги от Каймановки до заповедника, на полях у Каймановки и в низовьях Суворовки. Самая поздняя весенняя встреча отмечена 7 апреля 2000: одиночная сибирская чечевица кормилась вместе с *Emberiza rustica* и *Emberiza elegans* на полях в низовьях Суворовки.

Pyrrhula griseiventris. Уссурийский снегирь — самый обычный из снегишей в зимнее время. Они появляются небольшими группами (до 5, чаще по 2 птицы) с середины октября. 10 февраля 2000 на 3 км маршрута вдоль р. Барсуковка учили 11 птиц.

Pyrrhula cineracea. Серый снегирь, как и уссурийский, появляется с середины октября. С этого времени эти птицы становятся обычными в заповеднике. Последняя встреча зарегистрирована 2 апреля 2000 около устья Аникиного ключа.

Н е р е г у л я р н о з и м у ю щ и е в и д ы

Columba rupestris. Зимой 1998/1999 в районе горы Змеиной постоянно держались группы от 5 до 12 особей. В зимы 1999/2000 и 2000/2001 скалистый голубь не наблюдался.

Bombycilla garrulus. Появляется в середине октября. В течение зимы небольшие стаи свиристелей периодически наблюдаются в заповеднике и на сопредельных территориях. Самая поздняя встреча 7 апреля 2000.

Bombycilla japonica. В 1999 и 2000 первые стаи японских свиристелей отмечены 26 октября, в 2001 — 9 октября. Встречаются обычно до начала декабря, позже довольно редко.

Turdus naumanni. На осеннем пролёте появляется в третьей декаде октября. Зимнее пребывание дроздов Науманна связано с наличием кормов. Так, 1999 год был неурожайным для многих древесных растений, поэтому зимой 1999/2000 эти птицы отсутствовали. Конец весенней миграции как правило приходится на середину апреля. Однако в 2001 одиночные дрозды и небольшие стаи (до 10 особей) постоянно встречались у Каймановки до конца апреля, а последняя стая была отмечена 1 мая.

Turdus eunomus. Осенний пролёт начинается в конце сентября-начале октября. С первой декады октября бурые дрозды становятся обычными. Однако в календарные сроки зимы этот вид отмечается не каждый год. Зимой 1999/2000 дрозды в заповеднике и его окрестностях не наблюдались, что связано, видимо, с неурожаем многих деревьев. Самая поздняя встреча весной — 21 мая 1999 (одиночная особь у Комарово-Заповедное).

Suthora webbiana. С начала марта 2000 стайки до 20 суток изредка отмечались на брошенных полях в низовьях Суворовки.

Parus cyanus. Небольшие стайки князьков в конце января 1999 изредка встречались в пойменном лесу у Каймановки.

Fringilla montifringilla. Осеню пролётные юрки довольно обычны до конца 2 декады ноября. В 1999 этих птиц было мало: мы отметили лишь несколько небольших стай, что связано, по-видимому, с неурожаем плодов многих растений. В календарные сроки зимы юрки встречаются нечасто. Небольшое число пролётных стай отмечено над заповедником в декабре 1999; в середине февраля 2000 стайка птиц кормилась на земле в еловопихтовом лесу у Родионова ключа. В 2001 году юрки появились в первых числах октября.

Spinus spinus. Осенний пролёт проходит с середины первой-начала второй декады октября. Редкие стайки наблюдались до конца первой декады ноября. В отдельные годы изредка встречались в календарные сроки зимы.

Pyrrhula pyrrhula. Несколько обыкновенных снегирей наблюдалось в начале зимы 1999/2000 в долинном лесу в районе устья Комаровского ключа, а в ноябре 2000 в пойменном лесу у Каймановки.

Eophona personata и *Coccothraustes coccothraustes*. Оба вида дубоносов гнездятся в заповеднике, но зимуют нерегулярно. Их зимовка тесно связана с урожаем сосны корейской *Pinus koraiensis*. Стai дубоносов (в среднем по 60 особей) были довольно обычны зимой 1998/1999, когда кедровых орешков было необычайно много. В следующие две зимы дубоносов в заповеднике было мало.

Emberiza pallasi. Пара полярных овсянок отмечена 31 января 1999 у Каймановки.

Emberiza elegans. Гнездится. Одиночные желтогорлые овсянки и группы до 4 особей продолжают встречаться до середины-конца ноября в кустарниковых зарослях в районе горы Змеиной, у Каймановки, у бывшего пос. Комарово-Заповедное. В отдельные годы эти овсянки в небольшом числе зимуют.

Залётные виды

Haliaeetus pelagicus. Зарегистрирован в заповеднике единственный раз: в конце февраля 2001 один белоплечий орлан кормился на задавленном рысью олене в пойменном лесу в районе впадения Комаровского ключа в Комаровку.

Aegypius monachus. 15 марта 2000, по сообщению инспекторов охраны, 6 чёрных грифов наблюдались у задавленного рысью оленя на разреженном участке широколиственного леса между рекой Каменкой и Туровой падью.

Виды, встречающиеся зимой на миграции

Circus melanoleucos. Самец пегого луня замечен 25 октября 1999 в районе пустоши на месте бывшего посёлка Комарово-Заповедное.

Accipiter gentilis. Во время осенней миграции одиночные тетеревятники отмечались на пустошах на месте пос. Комарово-Заповедное и у впадения Комаровского ключа в Комаровку. Пролёт начинается в конце сентября-начале октября, заканчивается в середине-конце ноября.

Falco peregrinus. Одного сапсана видели 6 марта 2000 в долине Комаровки около устья ключа Комаровского.

Falco columbarius. В конце октября 1999 один дербник держался в районе Комарово-Заповедное. Ещё один встречен 27 ноября 2000 у западной границы заповедника, в долине Комаровки.

Prunella montanella. Сибирская завишка — обычный пролётный вид. Миграция начинается с середины октября и продолжается до конца первой декады ноября. В отдельные годы пролёт затягивается до конца ноября.

Carpodacus erythrinus. Несколько пролётных стай наблюдали в Комаровском лесничестве во второй половине октября 1999.

Emberiza leucocephala. Одиночные белошапочные овсянки наблюдались 24 и 27 октября 1999 и 2 апреля 2000 в районе бывшего посёлка Комарово-Заповедное.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2002, Экспресс-выпуск 186: 506-507

Miliaria calandra, Saxicola torquata и *Melanocorypha leucoptera* в саратовском Заволжье

М.Л.Опарин, О.С.Опарина, Х.Вацке

Саратовский филиал Института проблем экологии и эволюции им. А.Н.Северцова Российской Академии наук, ул. Рабочая, 24, Саратов, 410028. E-mail: otis@forpost.ru

Поступила в редакцию 12 июля 2002

Весной 1999 года в Приерусланской степи Заволжья мы впервые зарегистрировали поющего самца просянки *Miliaria calandra*. В этот и последующие годы в Приерусланской степи отмечали редких поющих самцов этого вида на сохранившихся участках естественных пастбищных угодий.

В 2000 году в Приерусланской степи мы впервые наблюдали поющего самца черноголового чекана *Saxicola torquata* на заброшенном сеянном житняковом луге неподалёку от пруда в окрестностях с. Комсомольское Краснокутского р-на.

Весной 2001 года у истоков речки Солёная Куба в комплексной степи и на участках скотосбоя у кошары наблюдали многочисленных белокрылых жаворонков *Melanocorypha leucoptera*, демонстрировавших гнездовое поведение. Отдельные пары этого вида встречались на скотосбое в песчаной степи по р. Бизюк (Приерусланская степь). В 200 км к востоку–северо-востоку от описанной местности, также в подзоне сухой степи, в Краснопартизанском и Дергачевском р-нах регистрировались редкие пары белокрылых жаворонков. В этой части Заволжья они встречались также на участках солонцов. Весной и летом 2002 белокрылые жаворонки встречались в

подзоне сухих степей саратовского Заволжья лишь в верховьях Солёной Кубы, их обилие здесь было невысоким, а на остальной обследованной нами степной части территории Заволжья этот вид отсутствовал.

Следует отметить, что белокрылый жаворонок в степной части Заволжья не регистрировался в 1980-1990-е, но встречался в полупустыне. Простая и черноголовый чекан зарегистрированы нами для описываемой территории впервые.

Работа выполнена при поддержке РFFИ: грант № 01-04-48766.

© Р